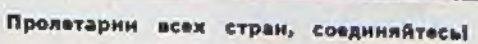

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1980

Растет Усть-Илимск, город дружбы на Ангаре.

Сегодня выходной.

БРАТЬЯ ИЗ УС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (2745)

16 ФЕВРАЛЯ 1980

Покорители таежных трасс.

Цех подготовки древесины. Идет разгрузка сырья для целлюлозы

СЭВ в действии

Б. ЛАБУТИН
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Подсчитан, точно выверен экономический эффект новостройки СЭВ на Ангаре — Усть-Илимского целлюлозного завода. Он будет выпускать полмиллиона тонн целлюлозы в год. Зарубежные страны-участницы, НРБ, ВНР, ГДР, ПНР и СРР, оплачивают 40 процентов стоимости строительства поставками машин, оборудования, материалов, а взамен в течение 12 лет будут ежегодно получать 205 тысяч тонн целлюлозы. Завод лишь часть сооружаемого здесь лесопромышленного комплекса. Советскому народному хозяйству, кроме целлюлозы, он даст 1,2 миллиона кубометров пиломатериалов, четверть миллиона кубометров древесностружечных плит, другие виды ценного сырья.

Не о всем говорят цифры. Впервые в практике СЭВ на одной стройплощадке трудились посланцы сразу пяти социалистических государств. Усть-Илимск стал для них незабываемой школой дружбы и братства.

Продолжение см. на стр. 6.

ТЬ-ИЛИМСКА

Во время подписания.

ПОДПИСАНИЕ СОВЕТСКО-КАМПУЧИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 3 по 11 февраля в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находилась делегация Единого фронта национального спасения и Народно-революционного совета Народной Республики Кампучии во главе с Председателем ЦК ЕФНСК, Председателем Народно-революционного совета Кампучии Хенг Самрином.

5 февраля в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-кампучийских документов.

Советско-кампучийское заявление, отразившее главные итоги переговоров, подписали:

за СССР — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев;

за НРК — Председатель ЦК ЕФНСК, Председатель Народно-революционного совета Кампучии Хенг Самрин.

Товарищи Л. И. Брежнев и Хенг Самрин подписали также соглашение о поставках товаров из Союза Советских Социалистических Республик в Народную Республику Кампучию в 1980 году.

Был подписан ряд других советско-кампучийских соглашений.

Соглашение о культурном и научном сотрудничестве подписали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и заместитель Председателя Народно-революционного совета, министр национальной обороны, главнокомандующий народно-революционной армией Кампучии Пен Сован;

соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве — член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов и Пен Сован;

торговое соглашение — министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев и министр внутренней и внешней торговли НРК Танг Сарым;

соглашение об оказании Народной Республике Кампучии первоочередной экономической и технической помощи в восстановлении народнохозяйственных объектов и проведении работ — председатель ГКЭС С. А. Скачков и Танг Сарым.

При подписании документов присутствовали:

с советской стороны товарищи Ю. В. Андропов, А. П. Кириленко, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. В. Русаков, заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, министры СССР, председатели государственных комитетов СССР, другие официальные лица;

с кампучийской стороны — член ЦК ЕФНСК, министр иностранных дел НРК Хун Сен, министр информации, печати и культуры НРК Кео Чанда, министр здравоохранения и социального обеспечения НРК Ну Бенг, член ЦК ЕФНСК, министр народного образования Чан Вен, начальник тыла народно-революционной армии Кампучии Ди Пхын, посол НРК в СССР Кео Прасат, другие официальные лица.

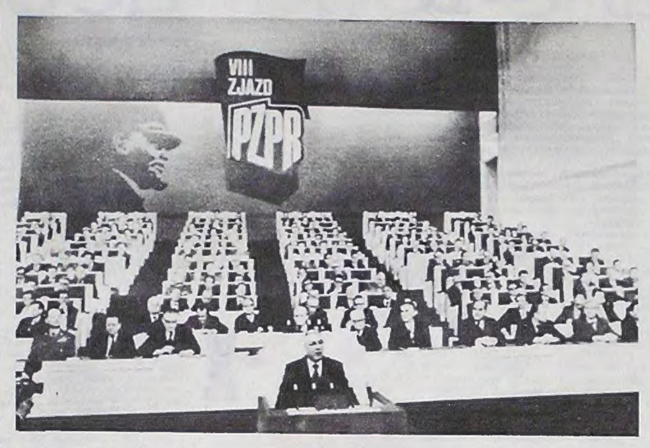
6 февраля делегация Единого фронта национального спасения и Народно-революционного совета Кампучии во главе с Председателем ЦК ЕФНСК, Председателем Народно-революционного совета Кампучии Хенг Самрином отбыла из Москвы в поездку по стране.

Фото А. Гостева

Проводы на аэродроме.

СЪЕЗД ПОЛЬСКИХ КОММУНИСТОВ

В президиуме VIII съезда Польской объединенной рабочей партии. Телефото Э. Песова (ТАСС)

11 февраля в Варшаве открылся VIII съезд Польской объединенной рабочей партии — боевого авангарда рабочего класса, вдохновителя и организатора побед трудящихся республики, идущей по пути созидания развитого социализма.

Съезд подведет итоги деятельности за минувшие годы и наметит программу дальнейшего строительства развитого социализма в Польше, определит главные задачи на предстоящий период. Широкое обсуждение и единодушное одобрение трудящимися планов ПОРП, изложенных в тезисах Центрального Комитета к VIII съезду, стало наглядным выражением единства партии и народа.

В работе VIII съезда ПОРП принимают участие делегации братских коммунистических и рабочих партий из социалистических государств и капиталистических стран, а также представители ряда европейских социалистических партий. На высший форум польских коммунистов прибыла делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым.

С докладом Политбюро ЦК ПОРП выступил Первый секретарь ЦК ПОРП товарищ Э. Герек.

В докладе начертаны перспективы строительства в Польше развитого социалистического общества, дальнейшего прогресса ее экономики, науки, культуры, все более полного удовлетворения материальных и духовных запросов народа.

Значительное место в докладе занимают вопросы внешнеполитической деятельности ПОРП, проблемы международного и рабочего движения, укрепления единства и сплоченности социалистического содружества, углубления социалистической экономической интеграции и сотрудничества братских стран, борьбы за мир и безопасность народов.

ВАРШАВА ПОМНИТ

Лариса ДРУЗЕНКО

Увы, не часто попадает пан Леон на Новы Свят и Старе Място. Но все же бывает там непременно, ведь он — коренной варшавянин! Представляю, как он, поседевший и так мало похожий на себя прежнего — широкоплечего, с озорными глазами парнишку, с удовольствием ныряет в толпу на Рыночной площади Старого Мяста. Толпа иная, чем в дни его молодости. Прежде она была заботами полна, а нынче тут много туристов и просто так отдыхающих варшавян. Все движутся, как в музее, торжественно и неторопливо...

И пан Леон так же неторопливо пройдет по площади, медленно разглядывая картины, прислоненные к стенам домов, а их бородатые создатели стоят рядом, скрестив руки, или сидят на бровке тротуара. Может быть, пан Леон присядет за столик кафе на площади, и тут, за чашечкой кофе, наверняка придут воспоминания.

Леон Качановский — варшавский рабочий-ветеран. Ему уже шестьдесят семь, и он на пенсии. Но продолжает работать в объединении, снабжающем Варшаву газом. 38 лет провел он здесь, у газовых печей — сначала рабочим, потом бригадиром. Ныне директорствует в недавно созданном на предприятии музее. С 1945 года Леон Качановский — член ПОРП. У него солидный опыт партийной и общественной деятельности. Заслуженный работник Мазовецкого объединения, награжден медалью тысячелетия Государства Польского, Золотым Крестом Заслуги и почетным знаком «За заслуги перед Варшавой». Биография этого человека неотделима от основных событий в жизни его родного города.

ИЗ РАССКАЗА Л. КАЧАНОВСКОГО: С тех пор, как вожу экскурсии по нашему музею, я живу теми днями, что сегодня уже история. Кстати, знаете, у какого экспоната люди дольше всего задерживаются? Вот у этой фотографии — панорамы Варшавы. В сорок четвертом. С самолета снимали. Конечно, на снимке мало что можно разобрать — одни дымы и развалины. Понятно становится главное — что такое фашизм, варварство. Вот тут, в квадратике, наша газовня, вернее то, что оставалось от нее.

Из статистических данных: В 1939—1945 годах Варшава потеряла более двух третей жителей. Город был разрушен на 85 процентов.

Пан Леон почему-то уверен, что та панорама разрушенной Варшавы сделана фашистским летчиком. Очень может быть. Враг спешил зафиксировать достижение своей цели, документально подтвердить слова фюрера, который зимой 1944 года заявил, что Варшава стала лишь географическим понятием. Но, возможно, снимок сделан и другом. Из тех, кто воевал за Варшаву, кто хотел сохранить документальные свидетельства обвинения фашизму.

Из статистических данных: Три четверти человеческих жертв Варшавы, две трети разрушений были не следствием военных действий, а итогами планового «выравнивания» города с землей.

17 января 1945 года солдатами Красной Армии и 1-й армии Войска Польского Варшава была очищена от гитлеровцев. В этот день Качановский вернулся в столицу. Он не видел ее с августа 1944-го, с того самого дня, когда вынужден был скрываться. 1 августа началось варшавское восстание, неподготовленное, практически спровоцированное буржуазным правительством в Лондоне. Восстание фашисты подавляли с небывалой жестокостью. Те, кто скрывался тогда, ловили каждый слух из Варшавы, а были они один другого хуже.

ИЗ РАССКАЗА Л. КАЧАНОВСКОГО: И вот слышим: советские войска начали артподготовку. Потом солдаты — пошли и пошли. Пехота, танки. Выскочил я одному из них наперерез: «Возьмите, хлопцы, с собой!» Так и приехал. А как посмотрел, каюсь, подумал, что зря, наверное, приехал — поздно... Кругом только стены домов, насквозь просвечивают, как черепа голые, да битый кирпич и штукатурка — горами.

Из статистических данных: Руины города составили двадцать миллионов кубометров щебня. Улица Новы Свят разрушена до основания. Старе Място уничтожено на 90 процентов.

Качановскому повезло. Домик его, хоть и без окон и дверей, но стоял под крышей. А в газовне все было обломками засыпано. Расчищали голыми руками — ни машин, ни тачек. Да и людей не хватало. В город тогда возвращаться опасно было: фашисты, отходя, почти все заминировали. Даже запрещалось на левобережную сторону переходить — до полного разминирования. Больше тридцати саперов — советских и польских — погибло тогда. Сейчас над Вислой памятник стоит нашему братству по оружию. Конечно, все знали, что возвращаться опасно, но шли. И на газовне людей прибывало.

Из статистических данных: В день освобождения Варшавы население левобережной части города насчитывало всего лишь двадцать тысяч человек. Четыре месяца спустя их стало в девять раз больше.

6 февраля открыли первый, наведенный советскими саперами, мост через Вислу. 2 апреля открылся первый кинотеатр, 26-го электростанция дала первый ток. А одним из первых открывшихся магазинов был цветочный.

Моему герою тогда было не до цветов. Городу нужен был газ. Качановский и его товарищи работали не покладая рук. И в конце июня газ пошел. Через два года предприятие вышло на довоенный уровень подачи газа. Но это малый срок, если учесть объем работ...

А если учесть объем работ для города, возрождающегося из пепла? 35 лет для него — много или мало? Наверное, достаточно, если ограничиться бараками, и маловато, если замахиваться на дворцы. Варшаве потребовалось гораздо меньше времени, чтобы стать «обыкновенным городом». Впрочем, наверное, мало кто считает его таковым.

Из статистических данных: Варшава — крупнейший промышленный центр страны. За один день ее предприятия производят около 350 автомобилей, 200 тракторов, более двух тысяч телевизоров, две с половиной тысячи магнитофонов.

ИЗ РАССКАЗА Л. КАЧАНОВСКОГО: Помню, мой брат работал на строительстве высотного здания Дворца культуры и науки. Это был дар Варшаве от СССР, и помогали строить, конечно, советские рабочие и специалисты. Брат был в одной бригаде с россиянами. Все расспрашивал их — о родных, о погоде, о городах, обо всем. И мне рассказывал. Знаете, сколько у нас знакомых с того времени осталось и друзей настоящих! По всему, можно сказать, Советскому Союзу. Впрочем, в Варшаве, наверное, и нет человека, который не познакомился в то время с советскими людьми. Кто воевал вместе с ними на фронте, кто Варшаву освобождал, вместе потом и от мин ее очищали и отстраивали.

С тех пор минули годы, и неизмеримо выросли масштабы нашего экономического, торгового партнерства. Не так давно предприятие, где я тружусь, перешло на газ, который поступает из Советского Союза.

Варшава.

БРЕМЯ РАКЕТ ДЛЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Владимир КАТИН

На декабрьской сессии Совета НАТО Соединенным Штатам, как известно, удалось путем уговоров, шантажа и силовыми приемами добиться согласия трех партнеров — ФРГ, Англии и Италии на размещение на их земле новых стратегических ракет. Американские бизнесмены, видимо, уже подсчитывают солидные прибыли от этой операции, которую называют «сделкой века». Безусловно, с благословения нынешней администрации Белого дома кое-кто готовится приумножить свои миллионы на производстве и размещении в Западной Европе 572 ядерных ракет.

Однако, как показывают события, европейцы от этого далеко не в восторге и не безучастны к замыслам Пентагона. В странах Западной Европы ширится и растет борьба против поставок смертоносных игрушек с маркой «сделано в США». Эта борьба приобретает размах национальных кампаний против безответственных поступков некоторых правительств.

Такая реакция отторжения американского ядерного оружия закономерна: это реакция самосохранения, самозащиты. Ведь вопрос стоит очень серьезно. Когда предупреждают, что нельзя шутить с огнем, то имеется в виду пожар. Но всякий пожар можно в конце концов потушить. Только не ядерный апокалипсис, в который может быть ввергнута Западная Европа по прихоти США. Будем прямо смотреть реальностям в глаза: в случае возникновения такого конфликта густонаселенной Западной Европе, увы, не выжить, не уцелеть...

Добиваясь от западноевропейских государств согласия быть носителями стратегических ракет, нацеленных на Советский Союз, Соединенные Штаты тем самым отводят от себя потенциальную возможность ответного удара. Фактически, Западная Европа превращается в «атомный зонтик» США. Подобная перспектива вряд ли устраивает итальянцев, англичан, западных немцев и другие народы. В свое время Шарль де Голль не только ставил под сомнение ценность военного союза с США, но и предупреждал, что Западная Европа очень легко может быть втянута в войну, «даже если бы она этого не пожелала». Это предупреждение весьма актуально и сейчас.

Напомним, что эпоха разрядки, нормализация связей с социалистическими странами дали Западной Европе определенную независимость по отношению к США, известную самостоятельность и маневренность в политике и экономике. Это никак не устраивало Вашингтон, привыкший держать своих партнеров в узде. В последнее время взяв курс на осложнение отношений с Советским Союзом, США делают все, что в их силах и возможностях, чтобы испортить отношения и западноевропейских стран с СССР. В этом контексте и планы размещения новых стратегических ракет также направлены на подрыв общеевропейского сотрудничества. Во всяком случае, по-другому эту акцию квалифицировать нельзя. Как может быть упрочена разрядка, если на территории ряда стран Западной Европы, которые вроде бы ратуют за сотрудничество и доверие, появятся американские ракеты?

Таким образом, с какой стороны ни взглянуть на аферу с ракетами для Западной Европы, везде выпирают интересы США и оказываются в проигрыше страны и народы этого континента.

Похоже, что, кроме убытков как материального, так и морального плана, ничего другого они от этого не обретут. Ведь часть расходов за американские ракеты понесут европейские члены НАТО — эти расходы будут разложены на них и возложены на налогоплательщиков. Нет, не принесут эти ракеты европейцам спокойного сна, безопасности их жизни, уверенности в завтрашнем дне. Скорее наоборот.

Кстати, те страны, которые вопреки шквалам народных протестов согласились быть носителями американского ядерного оружия, в американский капкан уже угодили. Дело в том, что, добиваясь их согласия, Вашингтон пугал неким возможным вакуумом силы в Западной Европе, ее уязвимостью, что ли, в связи с подписанием Договора ОСВ-2. Однако после того, как решение о ракетах было принято, президент США взял и отложил на неопределенное время ратификацию документа об ограничении стратегических вооружений. Итак, ОСВ-2 пока нет, а ракеты, видимо, делаются своим чередом. Налицо шулерский прием, заимствованный из ковбойских фильмов.

Наша страна не будет, естественно, безучастно наблюдать, как возле ее западных границ расширяются военные приготовления или, образно говоря, как к порогу нашего дома подкладывают мину. СССР сумеет оградить себя и своих союзников от любых посягательств извне и примет для этого меры.

Так в Европе, буквально на наших глазах, по вине США образуется зона повышенной военной опасности. Здесь и без того уже сложилась высокая концентрация вооруженного противостояния Востока и Запада, а когда будут добавлены еще сотни новых стратегических ракет, то степень напряженности возрастет пропорционально их числу.

Советский Союз в свое время сделал Западу предложение незамедлительно провести переговоры по ракетно-ядерному оружию, в том числе и средней дальности. Этот жест нельзя расценивать иначе, как заботу об укреплении доверия и разрядки в Европе. Что мы имеем в ответ? Вашингтон буквально зажал рот тем своим союзникам, которые склонялись к положительному отклику на советские предложения, задумал сломать военное равновесие, чтобы разговаривать с нами с позиции силы. В такой обстановке переговоры по этой проблеме стали невозможны.

Ну что ж, мы, как говорится, их предупреждали. Если на все мирные советские инициативы Запад продолжает молча точить длинные ножи, то пусть потом пеняет на себя.

Однажды наша страна уже спасла Европу от коричневой чумы нацизма. Сейчас мы хотим спасти ее от пепла ядерного Везувия, который может навечно похоронить весь этот древний континент великих цивилизаций.

Время предотвратить катастрофу пока есть. И Европа, многократно опаленная войнами, должна, наконец, понять и осознать, куда ее толкают США.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

интервью «огонька»

А. П. БИРЮКОВА, секретарь ВЦСПС, председатель Комиссии по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства Верховного Совета РСФСР отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» К. Барыкина.

отелось бы сразу же заметить, что в нашей комиссии работать очень ответственно и очень легко. Думаю, понятие «ответственно» в расшифровке не нуждается: что может быть ответственнее заботы о женщинах и детях? Почему легко? Это, конечно, не потому, что легко решаются волнующие нас вопросы. Эта легкость — от чувства удовлетворения, которое испытываешь, когда ощущаешь реальность помощи, оказанной женщинам, детям. Еще и потому легко, что тридцать депутатов Верховного Совета РСФСР, члены комиссии — люди с большим жизненным опытом, представители различных профессий, многих отраслей народного хозяйства: известный ученый и председатель колхоза, партийные работники и шлифовщица, писатель и электросварщица, заместитель министра и сборщица часов, машинист локомотивного депо...

Такие люди могут браться за решение самых сложных дел. Вот, для примера, несколько строк из рабочего плана комиссии на 1979 год. Мы проверили выполнение заданий по производству продуктов детского питания; рассмотрели, как реализуются рекомендации нашей комиссии по вопросам охраны материнства и детства; изучали проект Государственного плана экономического и социального развития Российской Федерации на 1980 год; установили контроль за четким и своевременным исполнением ранее принятых постановлений; проверили состояние условий труда, быта и медицинского обслуживания женщин, занятых в сельском хозяйстве Курганской и Орловской областей. Как видите, приходится решать немало крупных вопросов, которые, впрочем, не заслоняют забот повседневных и вроде бы небольших.

Я уже упомянула о производстве продуктов детского питания. Проблема масштабная, многоплановая, но состоит она, если тщательно разобраться, из частностей. Прежде всего надо было обратить внимание на ассортимент изделий. От чего и от кого зависит, чтобы такие необходимые продукты, как ацидофильные сме-

ОЕ СЛОВО – ЗАБОТА

си, детский кефир, биолакт, специальные продукты на овощной и фруктовой основах, не были бы редкостью? Послушали различных специалистов, побывали на заводах и фабриках, перечитали массу специальной литературы, беседовали не только с руководителями министерств и ведомств, но и с теми, кто приходит в магазины, на кухни детского питания именно за такими продуктами. Когда картина прояснилась, отыскались и некоторые резервы. Предприятия и цеха детского питания строятся в Казани, Мцхете, Поречье, Острогожске, в других городах и поселках. Возводится Азовский промышленный комплекс.

Но нам представляется, что сделанное — лишь начало. Эта проблема остается под контролем комиссии.

Такую же активность проявили депутаты, знакомившиеся с производством промышленных товаров для детей. Для кого секрет, что далеко не в каждом магазине найдешь хлопчатобумажные колготки нужного размера, подходящее платьице из байки, хорошую детскую коляску? Известно и то, что подчас дефицит порождается чьей-то нерасторопностью, несбалансированностью планов, неоперативностью. Словом, причинами субъективными, а значит, устранимыми. Стремление комиссии и было направлено на то, чтобы отделить зерна от плевел, очертить главное, помочь в поиске резервов, а подчас и ресурсов. И вот результат: промышленные министерства нашли возможность увеличить выпуск некоторых изделий детского ассортимента. По Министерству легкой промышленности республики на шесть, а по министерствам текстильной и пищевой промышленности — на тридцать миллионов рублей.

— Как, к слову, строятся ваши взаимоотношения с промышленными министерствами и ведомствами?

— На основе тесного сотрудничества. Но это не мешает нам быть предельно требовательными, что и понятно: ведь мы выполняем волю избирателей, добиваемся решения вопросов, которые для них являются наиболее актуальными. В заседаниях комиссии нередко участвуют руководители министерств и ведомств. Помимо того, постановления комиссии (не только нашей, но и других — таков общий порядок) рассматриваются в Верховном Совете РСФСР, который дает поручения Совету Министров Российской Федерации, он, в свою очередь,— министерствам. Словом, основа взаимоотношений крепкая и надежная.

Недавно мы со всей необходимой в таких случаях обстоятельностью изучали проблему организации детских лечебно-оздоровительных лагерей, где ребятишки отдыхают и лечатся, не прерывая школьных занятий. Большую заботу проявляем и о санаториях для матери и ребенка.

— Сколько таких санаториев?

— Двадцать пять. Впрочем, нет, эта цифра уже устарела. Недавно начали действовать четыре хорошо оборудованных новых санатория. Скоро прибавится еще четыре...

— Каждый из них, видимо, обходится в копеечку?..

— Конечно. Известно — но в нашем разговоре нелишне напомнить,— что государство наше не скупится, когда речь идет о насущных нуждах детей. Для строительства тех же санаториев потребовались немалые деньги. Но следует отметить, что в последние годы появилась статья расходов, которые покрываются средствами, поступающими от коммунистических субботников. «Благородные деньги»,— сказал как-то

Фото Л. Шерстенникова

один из членов нашей комиссии о таких средствах. Очень верное определение! Благородные, бескорыстные, щедрые и добрые. Любое хорошее слово тут можно поставить. Именно на средства от коммунистических субботников построены те четыре санатория, которые только что вступили в строй. Один, его назвали «Подснежник», открылся в Трускавце, еще один — в Москве, в зеленой зоне Сокольников. Отличное здание, новые методы лечения... Первых пациентов принял в прошлом году Всесоюзный центр по охране здоровья матери и ребенка — он расположен в Черемушкинском районе столицы.

Остается лишь добавить, что за счет средств, полученных в результате проведения Всесоюзного коммунистического субботника, за один год на строительство учреждений здравоохранения передается 106,45 миллиона рублей.

Так благородные деньги становятся добрыми делами!

— Вы говорите: комиссия рассмотрела, комиссия приняла решение... Кто входит в состав комиссии?

— Прежде всего хочу назвать Марию Ивановну Кобзеву, шлифовщицу Мытищинского машиностроительного завода. Удивительный человек! И на работе все успевает и в комиссии берет на себя самые многотрудные дела. Когда мы рассматривали проект Государственного плана экономического и социального развития РСФСР на 1980 год, Мария Ивановна внесла много конкретных предложений. Особенно хорошо она знает все, что связано с трудовым воспитанием и профессиональной ориентацией молодежи, с проблемами профессионально-технического образования. Депутат Кобзева отлично разбирается в психологии подростков, что понятно, так как у себя на предприятии она авторитетная наставница

Много сил и таланта вложила депутат Людмила Николаевна Чувелева в изучение условий охраны женского труда не только на дзержинском производственном объединении «Капролактам» (Горьковская область), где она трудится мастером, но и во всей отрасли. Интересные, важные, идущие от жизни предложения внесены депутатами Верой Александровной Мешковой и Любовью Ильиничной Еремкиной. Конструктор из Пензы Мешкова глубоко, всесторонне готовит многие вопросы, которыми занимается комиссия, а Еремкина, проверяя работу детских дошкольных учреждений, знакомилась с ними не только у себя в Орле (она бригадир на Орловском часовом заводе), но и выезжала в разные города и села. В результате собрала, суммировала и проанализировала большой фактический материал, позволяющий принять решения и дать конкретные рекомендации министерствам, исполкомам Советов народных депутатов, рекомендации, направленные на дальнейшее улучшение дела.

— Не получается ли так, что вся работа комиссии выполняется женскими руками?..

— Такой вывод будет совсем неправильным! — Александра Павловна смеется и делает протестующий жест.— Совсем неправильным... Без помощи Виталия Михайловича Сергеева, директора совхоза «Красноярский», что в Новосибирской области, мы не смогли бы столь полно и конкретно разработать проблемы, связанные с облегчением женского труда на селе. Депутат Сергеев выезжал в Курган, в Орловскую область, провел большую, подлинно исследовательскую работу и на заседании комиссии доходчиво, убедительно, на примерах жизненных, опирающихся на немалый опыт, доказал необходимость принятия целого ряда решений. В частности, если говорить о Курганской области, то комиссия по предложению депутата Сергеева определила, что следует сделать для дальнейшего улучшения условий труда и отдыха женщин, занятых в сельском хозяйстве. Тут есть санатории «Озеро Медвежье», «Сосновая роща», дом отдыха «Лесники», немало хороших поликлиник и больниц. Но в страду не всякий решится на то, чтобы с зубной, например, болью уйти с поля. В области организовано восемь передвижных, оборудованных на базе специальных автомобилей женских и детских консультаций, восемь флюорографических бригад, девятнадцать отделений скорой и неотложной помощи. Что касается стоматологии, то мы настаиваем, чтобы создать побольше передвижных стоматологических пунктов. Кстати, хочу заметить, что наша комиссия работает в тесном контакте с Комиссией по здравоохранению, социальному обеспечению и спорту Верховного Совета РСФСР...

Активно работает В. В. Шемахов, машинист локомотивного депо станции Брянск-2. С депутатской, с рабочей обстоятельностью он проанализировал проблемы, связанные с условиями женского труда на железнодорожном транспорте. Это помогло нам принять ряд практических решений.

В делах нашей комиссии участвуют директор Кировского машиностроительного завода имени XX партсъезда Владимир Антонович Прудников, второй секретарь Владимирского обкома партии Юрий Григорьевич Тесленко, председатель колхоза из Оренбуржья Петр Устинович Боков...

Нередко за советом обращаемся к избирателям, немало полезных сведений черпаем в их письмах — только за один год комиссия получила 720 писем!

— Александра Павловна, когда я слушал вас, когда знакомился с письмами и решениями, сложилось такое впечатление, что работу комиссии можно охарактеризовать одним добрым словом — забота. Забота о женщине-труженице, забота о матери и ее ребенке...

— Да, это так...

— Спасибо за беседу, Александра Павловна! И позвольте от имени читателей «Огонька» поздравить вас с выдвижением кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР.

— Спасибо!..

Они работают на стройке СЭВ. Бригада Юзефа Ходовского приехала из Польши.

БРАТЬЯ ИЗ УСТЬ-ИЛИМСКА

Начало см. на 2-й стр. обложки.

Клубился пар над Ангарой, черная вода лизала скованный стужей берег, а по толстым от инея проводам летело в Болгарию: «Мама, я люблю ее!»... Златка Пешунова сейчас же собралась из Габрова к сыну. Она увидела край не людный, но обжитой, прошлась по юному Усть-Илимску, где с одной стороны улицы — балконы нарядных многоэтажек с частоколом антенн над крышами, а с другой — нетронутая тайга, познакомилась с теми, кто поднимал здесь гигантскую ГЭС и возводит огромный промышленный комплекс, узнала сибирский мороз и столь же крепкое здешнее радушие, увидела их рядом — своего Гошо и тоненькую светловолосую Лену, и отошло, согласилось материнское сердце...

Ничего необычного в этой встрече. Георгий Пешунов — шофер, приехал сюда на три года. Елена Филатова — геодезист, сибирячка. Один город, одна стройка — и одна, оказалось, судьба.

Когда болгары первыми из зарубежных строителей целлюлозного завода прибыли на Ангару, нужда в водителях была особенно велика. Любая стройка начинается с дороги: карьер — стройплощадка, стройплощадка — карьер.

С Леной Георгий познакомился на танцах. Потом вместе писали конспекты: он учился заочно в Иркутском институте народного хозяйства, она в вечерней школе заканчивала 11-й класс. Расписались в Усть-Илимске, свадьбу справили в Габрове.

— А у меня разве не болела душа? — говорит Полина Ивановна, мать Лены. — Но вот приехали в Болгарию. Идем по улице, Златка встречает подругу и гордо так ей говорит: «Познакомься — моя русская дочка!» Так они ее полюбили — я даже по-матерински приревновала. Ой, большая у нас теперь родня!

После свадьбы новая семья вернулась в Усть-Илимск. Здесь появился на свет Стоян — по паспорту болгарин, по рождению сибиряк. В конце прошлого года все трое уехали в Габрово. Навсегда ли? Георгий взял с собой сувенир — легкий, похожий на картонный, плотный кружок с надписью: «21 ноября 1979 года» — из первой усть-илимской целлюлозы. Может быть, в тетрадях из нее же будет писать его сын. А пока Георгия, одного из лучших болгарских водителей, отличившихся здесь, снова ждут на стройке. Весной он приедет, чтобы продолжить работу и учебу. «Жить будет дома», — сказала Полина Ивановна.

У венгров Шандора Добаша, Ивана Иштвана, Йожефа Элека, Ласло Иштвана и Яноша Надя в Усть-Илимске тоже осталась семья, и немалая — целая бригада.

Первым «венгерским» объектом была автобаза для лесопромышленного комплекса. Не все получалось у новичков сибирской зимой. Вот тогда две бригады — советская Александра Голощапова и венгерская Габора Жироши — заключили договор о соревновании, стали побратимами. Чтобы закрепить слово делом, обменялись каменщиками на месяц... Своему наставнику Беслану Барокоеву Ласло ни в чем старался не уступать. Мороз за тридцать, а Беслан снимает фуфайку. Ласло тоже. «Оденься, — говорит бригадир, — посинел!» Тот отвечает: «Я работать сюда приехал, не за романтикой!» Прошел месяц. Бригадный совет решил: оставим ребят «насовсем».

Стоит на одной из улиц Усть-Илимска 128-квартирный красавец дом. Едва ли его обитатели, въехавшие сюда на месяц раньше срока, знают, чего стоил этот месяц венгерским парням. Здесь они доказали, что приехали «не за романтикой». Люди ждали жилье — и каменщики приходили на стройку до начала смены, чтобы подготовить всей бригаде фронт работ. Заминка с раствором — оставались после смены, чтобы наверстать. Зато на городском конкурсе «Мастер — золотые руки» Шандор и Йожеф заняли призовое место, опередив некоторых своих наставников.

— Два года мы работали вместе, — рассказывает А. Д. Голощапов, заслуженный строитель РСФСР. У него густые, лохматые брови и, наверно, оттого чуть насупленный вид, но кто был в его бригаде, знает, что это только на первый взгляд. В бригаду Голощапова попасть трудно. Здесь атмосфера слаженности, товарищества, уважения к каждому. И об этом вспоминают венгры в письмах к усть-илимским друзьям. — Так вот, не рядом работали, а именно вместе, по единому наряду. Для венгров бригадный подряд был в новинку. Там каменщик знает только кладку. Так было и у нас, когда я в пятьдесят четвертом первый свой кирпич положил. А тут они научились и леса ставить и разные вспомогательные работы вести — как любой член бригады. Это экономит время, сказывается на отношениях в коллективе. Уезжая, ребята благодарили за науку, решили испытать такое и у себя. А им спасибо за награду. — Александр Дмитриевич достает из коробочки орден «Дружба», учрежденный правительством ВНР. На фоне голубого глобуса — две руки, сплетенные в крепком рукопожатии.

Вижу в глазок микроскопа, как оживает капелька воды. Чуть заметные темные точки атакуют бурую бесформенную массу, расплывшуюся почти по всему кругу.

— Посмотрите теперь. — И Нина Яковлевна Ворончихина, начальник лаборатории, меняет стеклышко под окуляром. Теперь не вижу ничего, лишь голубоватое мерцание. Чистая вода! — Вот так «трудятся» бактерии, наши, биологов, помощники. Но для этого им надо создать условия.

С Юрием Мандре, начальником смены, отправляемся на экскурсию по очистным сооружениям. Целлюлозно-бумажное производство водоемко — Усть-Илимскому заводу нужно больше 50 тысяч кубов в час. Прежде чем его строить, изучалось 11 вариантов размещения комплекса, выбран этот, не в последнюю очередь из-за близости ангарской воды. Очищенная, она вновь вернется в реку. Площадь очистных сооружений — квадратный километр, стоимость — около 50 миллионов рублей.

Когда мы вернулись в лабораторию, был готов среднесуточный анализ. Чистоту воды биологи определяют по количеству кислорода, которое потребляют содержащиеся в ней микроорганизмы. В тот день этот показатель составлял 11,2 миллиграмма на литр. В Ангаре он меньше на несколько десятых долей миллиграмма.

Строили «санитарный цех» специалисты из ГДР, из ГДР поступило и лабораторное оборудование.

Сегодня интернациональную вахту в Усть-Илимске вместе с советскими строителями продолжают поляки.

Мы идем по заводу, все цеха его разместились под одной огромной крышей. Точно в лесу, запах сосновой смолы — это в варочные котлы поступает измельченная в щепу древесина. Завод практически готов и скоро выдаст товарную целлюлозу, а пока идет наладка. Тут и там голубые всполохи электросварки, свежая кирпичная кладка — строители наносят последние штрихи. По узкой лестнице забираемся наверх, на отметку 29. Здесь и работает мой спутник, каменщик Юзеф Ходовский со своей бригадой. Смачно шлепают кирпичи на раствор, мелькают в руках кельмы — на глазах поднимается коробка для будущего лифта. А мастера — 19—20-летние ребята!

— Думаешь, у нас это первая стройка? — отвечает Юзеф. — Вот Михал Куцла — Михал, покажись! — строил гуту Катовице, Марек — автозавод в Тыхах, Ян — домостроительный комбинат в Сувалках. Видишь эту эмблему? — показывает бригадир на три желтые буквы «ОНР» на своем рукаве. — Это значит «добровольные трудовые отряды». — И я услышал о том, как в Польше помогают молодым выбрать дело по душе. Такие отряды созданы по всей стране, у каждого — своя профессиональная ориентация. В отряд может быть зачислен любой выпускник средней школы. Здесь за два года он осваивает избранную специальность, проходит военную подготовку да еще четыре вечера в неделю занимается теорией. Из строительных отрядов, представляющих все уголки страны, и приехали на Ангару весной прошлого года польские каменщики и плотники-бетонщики. Задание — освоить миллион рублей — выполнили в ноябре.

С Юзефом мы снова встретились вечером, в общежитии. Он из Закопане. Из его отряда было несколько кандидатов на поездку сюда, но командир остановил свой выбор на нем. Юзеф не очень многословен, сосредоточен, но главное, что нравится в нем, — он моментально откликается на любую просьбу.

— Это у меня, наверно, тоже от Усть-Илимска, — улыбается 22-летний бригадир. — Сколько с нами было хлопот! Я ведь даже не знал, что польская «цегла» и есть по-русски «кирпич». Казах Хасин Ешеров, мой наставник, помогал читать чертежи, когда мы приступили к работе. Венгр Шандор Чизмадия, сосед по бригаде, учил вести кладку в тридцатиградусный мороз, а сам перенимал опыт у ваших ребят. Я бы так и сказал: это был урок подлинного товарищества, взаимовыручки. А ты видел, что тут в магазинах — ананасы! Я в Закопане, южнее, не часто их встречал! Современный город посреди тайги был для многих открытием. Знаю, каким это все досталось трудом. И Усть-Илимск научил нас строже спрашивать с себя.

Владимир ЛЕЙБА

БЕЗУМИЕ

Манекены расположились за столом, копируя семейное застолье. Это подопытные манекены. Люди в защитных костюмах готовят их к испытаниям. Нажимается кнопка, и адская волна ядерного взрыва разносит в щепы домик, разрывает на куски «тела» кукол. Разбит на части манекен мужчины. Манекен женщины — с оторванными руками. Они так похожи на людей...

Миллионы советских телезрителей увидели эти потрясающие кинокадры с экранов телевизоров во время показа созданной на Центральной студии документальных фильмов хронико-документальной киноленты «Безумие» — гневного кинообвинения в адрес воротил военно-промышленного комплекса.

С автором кинокартины — народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР кинорежиссером Александром Ивановичем Медведкиным зрители давно и хорошо знакомы. Кто не помнит его яркие, волнующие кинополотна, такие, как «Склероз совести» — решительную отповедь человеконенавистнической практике империализма, «Пекин — тревога человечества» — глубокое киноисследование происходящих процессов в Китае, политических зигзагов пекинского руководства, и многие другие.

Новая работа художника также выполнена в своем, «медведкинском», стиле. Он выступает сразу в трех амплуа: как автор сценария, режиссер и ведущий комментатор. Именно на таких стыках многогранного мастерства А. И. Медведкина рождались его творческие удачи. К их числу относится и «Безумие».

Автор фильма ставит своей целью показать опасность, которую представляет современный милитаризм, стремится пробудить в каждом человеке волю к борьбе с военным безумием, а также бдительность — неустанную бдительность в отношении замыслов врагов мира. Уже с первых минут просмотра зритель попадает в атмосферу зловещей милитаристской кухни, и перед ним предстают истинные масштабы военных приготовлений на Западе. «Свыше миллиарда долларов ежедневно мир империалистов тратит на военные нужды,— сообщает комментатор.— Два миллиона долларов каждую минуту! Пока вы досмотрите этот фильм и вернетесь домой, военные расходы Запада вырастут еще на 200 миллионов долларов»...

Перед нами проходит вереница снятых в разное время и в разных странах кинодокументов. Они рассказывают о чудовищных махинациях дельцов от военного бизнеса, повествуют о преступлениях милитаризма, перекосившего жизнь капиталистических стран до непомерного социального уродства. Ведь именно милитаризм до пределов обостряет классовые противоречия и социальные язвы больного капитализма, такие, как безработица, моральный распад общества, трагическая судьба молодежи, недоверие к традиционным институтам.

Люди с надеждой смотрят в будущее. Они жаждут мира, они хотят растить хлеб, строить мосты, петь песни, любить... Но империализм остается империализмом. Для него оружие всегда было средством обеспечения своих корыстных целей. Не мыслит он своей политики без него — будь это в Иране или в Израиле, в Никарагуа или Вьетнаме.

Мы видим уже полузабытую хронику 60-х годов. Она как бы подводит итоги бесславной акции американского империализма во Вьетнаме. Как она переосмысливается сегодня, эта старая хроника! Уроки прошлого, видимо, ничего не подсказали любителям побряцать оружием. Слишком быстро они избавились от «синдрома Вьетнама», слишком торопятся погрязнуть в новых нечистоплотных авантюрах. Тем более что в союзники набивается Китай с безумной стратегией его лидеров. Но как бы не просчитаться любителям сомнительных альянсов, звучит с экрана предупреждение. Уж очень обветшали сегодня идеи мирового господства, и не в моде гегемонисты.

Кинообъектив торопится. Жаль, что мало времени отведено ему на размышления о преступлениях империализма перед человечеством. В кадрах — Западная Европа. Сегодня она больше напоминает пороховую бочку, чем обжитое место. Гигантские авианосцы и мощные подводные лодки, баллистические ракеты и современные танки заполонили ее. «Они здесь для того,— саркастически замечает комментатор,— чтобы подсказать европейцам... кого любить и кого ненавидеть...» Да, странную картину являет собой Западная Европа. Свыше 330 тысяч американских солдат расквартировано здесь. Кого они спасают? От какой беды? Сколько лет еще будут ссылаться на мифическую «советскую военную угрозу»? Эти вопросы остаются пока без ответа.

По данным Пентагона, более полумиллиона американских солдат топчут чужие земли в Европе, на Дальнем Востоке, в Латинской Америке. 114 стран мира терпят это унизительное нашествие. Свыше 2 тысяч баз и других военных объектов создали в них Соединенные Штаты! Вот они появляются на карте во весь экран. Большинство из них держат под прицелом Советский Союз. Смотрите, кто кому угрожает войной, от кого исходит реальная угроза. И судите сами, чего стоит грязная ложь о «советской угрозе», под шумок которой торговцы смертью раскручивают маховик гонки вооружений.

Мир, только мир нужен Советскому Союзу и его друзьям — всем своим гражданским и интернациональным духом утверждает новый фильм. Именно поэтому неистребимы, как подчеркивает автор киноленты, наши усилия противопоставить равновесию страха равновесие доверия и сотрудничества. На экране — документальные кадры, наглядно свидетельствующие о мирных инициативах Коммунистической партии и Советского правительства, о неустанной борьбе за разрядку международной напряженности, в которую столько сил и энергии вкладывает Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев.

Мир может одолеть подготовку к войне, потому что его силы растут, говорит в заключение А. И. Медведкин. Пусть же каждый найдет свое место в битве с безумием империализма, за мирное будущее человечества.

КАРЛ БРЮЛЛОВ В МУЗЕЯХ ИТАЛИИ

Н. ПРОЖОГИН

В центре Болоньи, на пьяцца Маджоре — главной площади города,— стоит величественный дворец, носящий имя своего первого владельца, средневекового законоведа Д'Аккурсио. В нем размещается муниципальный, или, как говорят в Италии, коммунальный совет. На верхнем этаже дворца находится небольшая картинная галерея. После беседы с мэром я поднялся туда. Осмотр галереи уже подходил к концу, когда в зале, отведенном под живопись XIX века, внимание привлек мужской портрет. Черные живые глаза так пристально смотрели с полотна, что пройти мимо него было просто невозможно. Казалось, что не лишенный хитринки взгляд подзадоривал: «Не спеши уходить. Потрудись узнать имя художника, написавшего этот портрет».

Надпись на прикрепленной к позолоченной раме табличке оказалась тогда для меня совершенно неожиданной: на ней значилось, что портрет, изображающий некоего Чинчиннато Баруцци, принадлежит кисти «Карла Брюллова из Петербурга». Этот случай положил начало длительным поискам оставшихся в Италии работ замечательного русского художника, прожившего в этой стране в общей сложности около пятнадцати лет.

В каталоге болонской галереи портрет Баруцци назван «великолепнейшим», «лишенным какой бы то ни было тени академизма». Да, его смело можно отнести к числу лучших работ первого итальянского периода в жизни художника. Написан он с таким вдохновением, что кажется исполненным за один сеанс. А вместе с тем в нем все тщательно продумано и взвешено. Одет Баруцци щеголевато: стоячий воротничок белоснежной рубашки повязан черным галстуком, из-под бортов сюртука выглядывает ярко-желтый жилет. Волосы по тогдашней моде зачесаны на виски. Однако все эти детали не отвлекают внимания от вальяжного, умного и приветливого лица. Высокий лоб, надбровные дуги, скулы, прямой нос, губы с затаенной улыбкой, чуть выдающийся подбородок — все так пластично, словно вылеплено. Художнику удалось передать характер итальянца, всегда готового перейти от сосредоточенности к шутке, приятного в общении.

Он сидит, облокотившись о стол, и в его правой руке с небрежно, по-«вандейковски» свесившейся кистью столько артистизма, что угадываешь: Баруцци, наверное, был художником.

Действительно, мраморная статуя в верхнем правом углу картины говорит о его профессии скульптора. Впрочем, изображение статуи имеет и чисто живописное назначение. Словно излучая свет, смягчающий темный фон, она придает еще более мажорное звучание уверенным аккордам сочных брюлловских красок.

В Болонье теперь больше известна вилла Баруцци, эффектно расположенная на одном из холмов, окаймляющих город, чем его произведения, которые в свое время пользовались большим успехом, причем не только в Италии. Его скульптуры есть и в нашей стране — в ленинградском Эрмитаже, в Петродворце.

Баруцци родился в городе Имола, неподалеку от Болоньи, в 1796 году и, таким образом, только на три года был старше Брюллова. Он учился в болонской Академии, служившей в то время образцом для художественных заведений всего мира, затем работал в Риме в мастерской знаменитого Кановы. В 1831 году вернулся в Болонью, где получил должность профессора Академии. В этом городе он и умер в 1878 году, надолго пережив моду на неоклассику, которой всегда оставался верен. Этим, очевидно, объясняется то, что еще при жизни его имя не совсем обоснованно было предано забвению.

Найденные мною архивные материалы позволяют считать, что Брюллов написал портрет Баруцци в 1833 или 1834 году в Болонье, где русский художник любил останавливаться во время поездок в Северную Италию. То был счастливый период в жизни мастера, только что закончившего работу над картиной «Последний день Помпеи», принесшей ему громкую славу. Брюллова боготворили, за ним ходили толпами, провожали в театр, ловили каждое его слово. Среди поклонников художника был и Баруцци. В рукописном отделе Русского музея хранятся его восторженные письма к Брюллову. Кстати, в одном из них он извещал своего уже вернувшегося в Петербург друга об избрании того действительным членом болонской Академии.

...Вспоминая о встрече с Брюлловым в Болонье, ректор Петербургской Академии художеств Ф. И. Иордан писал: «В то время в театре пела знаменитая певица Паста, и Брюллов, будучи восхищен ее талантом, начал с нее портрет во весь рост, который никогда не был окончен». И далее в связи с внезапным отъездом художника в Рим: «В Болонии всех разом удивил слух, что К. П. Брюллов уезжает. Мадам Паста желает видеть оконченным свой портрет...»

Как это похоже на Брюллова, отличавшегося не только независимостью, но и порывистым, неусидчивым характером! Когда он был чемнибудь увлечен, то работал с изумлявшими всех быстротой и блеском, но нередко столь же быстро остывал и бросал работу незавершенной. Впрочем, однажды сам он не без основания говорил своему другу: «На что тебе хочется, чтобы я кончил этот твой портрет? Все, что есть самого важного, самого лучшего, все там есть... Я, пожалуй, кончу в один час, если время будет. Но не заботься об этом, и так хорошо!»

Хранящийся в Третьяковской галерее акварельный рисунок, предположительно считавшийся эскизом к портрету Паста, подтверждал, что даже в незавершенном виде полотно это тоже должно быть прекрасным. Найти его представляло тем больший интерес, что на нем изображено лицо значительное, сыгравшее первостепенную роль в развитии оперного искусства. Вслед за Россини специально для Джудитты Паста писали ведущие партии своих опер и Беллини и Доницетти.

В городской библиотеке Болоньи обнаружилось письмо Паста к Баруцци, отправленное из Милана 29 декабря 1839 года. Позволяя точно датировать портрет певицы, оно доносит до нас и дух эпохи Рисорджименто — движения за освобождение из-под иностранного гнета и объединение Италии, которую Паста, как было принято в среде патриотов, называет «прекрасной страной». Вот начало этого письма, впервые опубликованного мною в статье о Брюллове в сборнике «Джудитта Паста, ее времена и город Саронно», изданном в 1977 году по случаю выставки, организованной на родине певицы:

«Почтеннейший Синьор,

когда в 1834 году я представляла Анну Болейн в вашем городе, знаменитый Брюллов сам с поистине безграничной любезностью вызвался изобразить меня на полотне. И вот в вашем ателье, предназначенном для творений Гения, я видела себя словно застывшей по мановению волшебной кисти вашего именитого друга.

Однако работа над картиной, уже за несколько дней доведенной до удивительной степени сходства и завершенности, была прервана неожиданным отъездом художника и с тех пор в ожидании дружеской руки, которая могла бы ее окончить, к сожалению, покоится там же, где рождалась.

Пока из месяца в месяц, а затем из года в год во мне жила надежда, что прославленный художник, отвечая общему пожеланию, вновь увидит прекрасную страну и тогда нанесет на полотно последние решающие мазки, живейшее желание иметь у себя картину умерялось этим благим упованием.

Но теперь я, жаждущая иметь эту великолепную работу, которая, хотя и не окончена, является для меня столь ценной и близкой, обращаюсь к вам с просьбой переслать ее мне сюда, в Милан. Памятуя о многозначительных речах и бесконечно любезных словах, произнесенных художником, когда он приступал к ней, я верю, что мне, будь то и незаслуженно, он сам предназначал владение ею...»

Удалось установить, что в 1834 году на сцене болонского Коммунального театра в опере Доницетти «Анна Болейн» Паста выступала лишь один раз. «Гадзетта Привиледжиата ди Болонья» в номере от 6 ноября писала об этом спектакле: «Мы едва успеваем сообщить об огромном успехе, который имела вчера вечером третья постановка сезона. Но, говоря по правде, своим удивительным исполнением она заслуживала бы с нашей стороны статьи с бесконечными похвалами... Паста предстает в ней великой и великолепной намного больше, чем это можно передать словами...»

Брюллов, конечно, присутствовал на спектакле и, разделяя общий энтузиазм, вызвался написать портрет певицы. Он принялся за работу с жаром, но вскоре уехал в Рим, а через несколько месяцев покинул Италию.

Мечта певицы иметь творение Брюллова у себя сбылась лишь много лет спустя, уже после смерти художника. Портрет висел у нее в спальне, на вилле в Блевио — маленьком местечке на берегу озера Комо. Поездка туда не дала результатов. Последний прямой потомок Джудитты Паста синьор Ферранти уже в то время был тяжело болен и никого не принимал. Флигель же виллы, в котором провела свои последние годы певица, стоял заколоченным.

Как-то в Милане я зашел к директору Театрального музея «Ла Скала» Джанпьеро Тинтори и рассказал о поездке в Блевио. Выслушав меня, он торжественно объявил: «Портрет, который вы ищете, находится в нашем музее! Синьор Ферранти предлагал нам всю виллу

К. Брюллов. 1799—1852. ДЖУДИТТА ПАСТА В РОЛИ АННЫ БОЛЕЙН

К. Брюллов. ПОРТРЕТ ЧИНЧИННАТО БАРУЦЦИ

Паста. К сожалению, у нас нет средств, чтобы содержать ее. Но я отобрал наиболее ценные реликвии...» Теперь брюлловский портрет Джудитты Паста в роли Анны Болейн включен в постоянную экспозицию музея.

...Опера, сюжет которой заимствован из английской истории, повествует о трагической судьбе второй из шести жен короля Генриха VIII. Ложно обвиненная в измене, Анна заключена в башню Тауэра. Ее ум помутился. Мысли о предстоящей казни мешаются с воспоминаниями о счастливых днях любви. С безумными, полными слез глазами на улыбающемся лице она протягивает руку к зарешеченному оконцу темницы, через которое доносится праздничный звон колоколов, возвещающих, как ей кажется, нѐ свадьбу короля с ее соперницей, а собственное восшествие на престол... В годы, когда Северная Италия еще находилась под австрийским господством, эта опера воспринималась как протест против произвола тирана. Именно эту сторону либретто подчеркивал автор романа «Обрученные» Алессандро Мандзони. И не случайно брюлловский портрет побывал в свое время на выставке, посвященной истории Рисорджименто.

Неоконченным в нем остались лишь стены да пол темницы и, что, правда, более существенно, кисть отведенной в сторону правой руки певицы. Но в остальном портрет Паста — ее лицо да и вся фигура — выписан до малейших деталей, вплоть до складок на белой подкладке рукавов и атласных туфелек с красными бантами, удивительно оживляющими общую сдержанную цветовую гамму картины. Если Паста видела себя на ней застывшей, то и правда, как по волшебству. Она изображена в резком повороте, за которым не поспели тяжелые складки черного бархата платья. Нам не дано слышать голос Паста. Но, глядя на этот портрет, лучше понимаешь слова, сказанные ее современником: «Неизвестно, чем следует больше восхищаться в ней — красотой, голосом, манерой пения или игрой. Восхищаться нужно всем».

Портрет Паста — не единственное произведение Брюллова в Милане. Здесь, в Коммунальной галерее нового искусства, выставлена небольшая картина «Одалиска». Служанка-негритянка помогает молодой женщине надеть рубашку. На обороте одного из имеющихся в советских собраниях рисунков с этим же сюжетом Брюллов сделал шутливую надпись: «По установлению Аллаха раз в год меняется рубаха».

Восточные мотивы в творчестве художника появились после того, как, возвращаясь в 1835 году из Италии в Россию, он сделал продолжительную остановку в Константинополе. Все работы, сходные с миланской «Одалиской», относятся к сороковым годам. При всей своей «экзотичности» это жанровая сценка, приближающаяся к поискам реализма середины века. Художник умышленно подчеркивает такие бытовые детали, как наволочка с завязками, намечает карандашом рисунок изразцов на стене. Блестящий рисовальщик, Брюллов великолепно изображает обнаженное тело и точно воспроизводит будничную позу служанки. Картина очень хороша по живописи, передающей приятную прохладу помещения, которую подчеркивает прямо-таки жаркий свет, струящийся через прорези жалюзи.

Игрой солнечных лучей, проникающих сквозь листву деревьев, примечательна другая, совсем маленькая по размерам картина, хранящаяся в запасниках той же галереи и изображающая процессию испанских слепых. Выехав тяжелобольным в 1849 году из России, Брюллов провел некоторое время в Испании. Известно его препроводительное письмо 1850 года при посылке двух рисунков, «представляющих процессию в Барселоне». На миланской картине имеется подпись по-итальянски: «Процессия слепых в Севилье — акварель Карла Брюллова. 1851». В этом году художник уже находился в Италии. Возможно, он еще раз повторил увиденную в Испании процессию. Упоминание Севильи, очевидно, ошибочно. Главная же неточность подписи в том, что эта сделанная маслом на бумаге работа названа акварелью, из-за чего она не была включена в изданный недавно каталог живописи галереи, хотя в картотеку, по моему сообщению, внесена соответствующая поправка.

В Италии довольно широко практикуется то, что по-русски можно назвать одалживанием художественных произведений из музейных запасников государственным учреждениям. Само по себе не так уж плохо, когда картины, вместо того чтобы быть закрытыми за семью замками, выставляются, например, в зале приемов городского муниципалитета. Однако, узнав, что еще одна картина, значащаяся как работа Брюллова, находится в полицейском управлении Милана, я насторожился.

Получив двойное разрешение — дирекции музеев и канцелярии начальника полиции,— отправился на улицу Фатебенефрателли (это название означает слитое в одно слово «Творите добро, братия», что, правда, относится не к полиции, а к монастырской больнице). В кабинете начальника оперативного отдела сидело несколько дюжих молодцов, одетых с ног до головы в кожу, видимо, только что вернувшихся с очередного задания и нещадно куривших. Они прервали свои донесения, не без любопытства узнав, что примелькавшаяся им картина изображает гибель Помпеи и является копией с произведения русского художника. Не защищенное стеклом полотно было покрыто толстым слоем пыли, пропитанной табачной копотью.

Брюллов по крайней мере дважды делал акварельные повторения «Последнего дня Помпеи». Но о существовании копии маслом у нас сведений не было до тех пор, пока живущий в Италии художник Г. И. Шилтян не сообщил в 1957 году о трех брюлловских произведениях, числящихся за Коммунальной галереей Милана. Правда, в данном случае некоторая небрежность в рисунке, которая просматривается на сделанном с нее ранее фотоснимке, заставляет думать, что, быть может, эта копия не авторская.

Вскоре после того, как я впервые увидел портрет Баруцци, в итальянских газетах появилось объявление о распродаже обстановки виллы Пратолино под Флоренцией. Речь шла о вилле, принадлежавшей семье известных российских горнозаводчиков Демидовых, четыре поколения которых жили в этом городе. За несколько лет до этого умерла последняя обитательница виллы М. П. Демидова, оставившая завещание в пользу своего племянника. По его поручению известная английская антикварная фирма Сотби и организовывала аукцион.

Перед аукционом в течение трех дней вилла была открыта для посетителей. Не стану сейчас описывать ее убранство. Приведу слова директора флорентийской Галереи нового искусства Алессандры Пинто, несколько лет спустя с горечью мне говорившей: «Если бы я уже тогда работала здесь, то легла бы на пороге виллы, но не допустила этой распродажи. Наши власти не понимают, что памятники культуры XIX века нужно хранить так же, как искусство предшествующих веков».

Вилла Пратолино интересовала меня прежде всего потому, что там мог находиться портрет А. Н. Демидова работы Брюллова. Однако тщетно искал я его, пробираясь через многолюдную толпу покупателей и просто любопытных, привлеченных именем Демидовых, молва о сказочных богатствах которых до сих пор жива во Флоренции. Девицы со значками Сотби на груди и заученной улыбкой на устах давали информацию только об исходных ценах вещей, поступавших на аукцион, а в дирекции фирмы сухо отвечали, что все подлежащее продаже выставлено для обозрения.

Лишь несколько лет спустя, придя в открывшуюся после длительных реставрационных работ флорентийскую Галерею нового искусства, которая размещается в знаменитом дворце Питти, я обнаружил, что один из ее залов отведен под произведения искусства, поступившие в качестве дара и приобретенные при распродаже демидовской виллы. Среди них был брюлловский портрет! Откупившись им, наследник демидовской собственности и организаторы аукциона получили разрешение пустить с молотка и, таким образом, разорить уникальный памятник культуры и быта прошлого века...

Правнук тульского кузнеца, сын русского посланника при дворе великого герцога Тосканского Анатолий Николаевич Демидов, князь Сан-Донато (титул, который он получил в Тоскане по случаю женитьбы на племяннице Наполеона), судя по всему, был весьма противоречивой натурой. Заводчик-крепостник и изысканный меценат, делец, торгующийся из-за каждого рубля, и щедрый благотворитель, заносчивый и добросердечный — таким предстает он в воспоминаниях современников. Видимо, Брюллов недолюбливал его, но не мог не считать себя перед ним обязанным: А. Н. Демидов был заказчиком «Последнего дня Помпеи».

«Любезный Брюллов! Письмо ваше от 4 января я имел удовольствие получить и сердечно благодарю вас за оное, тем более, что этого удовольствия не всегда от вас иметь можно, ибо вы на переписку както довольно скупы...— писал ему не без раздражения Демидов в 1833 году.— Ежели картина сия («Последний день Помпеи».— **Н. П.**) в самом деле приведется к окончанию в конце сего месяца, то я совершенно остаюсь уверенным, что вы также не замедлите окончить и портрет мой в продолжение назначаемого вами трехнедельного времени...»

Два года спустя Брюллов, уезжая в Россию, передал на хранение так и не законченный портрет Демидова оставшемуся в Риме Александру Иванову. Сохранились свидетельства, что незадолго до смерти, наступившей в Риме в 1852 году, он снова принимался за эту работу. Картина, лишь частями прописанная окончательно, во многих деталях осталась в подмалевке, что, однако, позволяет составить представление о ее композиции. Это должен был быть парадный, героизированный портрет. Темная масса деревьев нависла над горной дорогой. Вдали вырисовываются заснеженные вершины гор. На их фоне помещен всадник с гордой осанкой. Он наряжен в богатый и яркий костюм, на боку сверкает золотая с бирюзой рукоятка и ножны сабли. Чуть ли не пышущий огнем конь осажен на полном скаку. Рядом несутся заливающиеся лаем собаки. Сзади следуют стремянные...

В вывешенном в зале пояснении для посетителей говорится, что лицо всадника по сравнению с другими законченными частями картины написано слабее, словно другой рукой. Быть может, это все же рука Брюллова, но писавшая незадолго до смерти. Знакомство с некоторыми из последних работ художника, хранящихся в Риме у наследников А. Титтони, в доме которого он скончался, наводит на такую грустную мысль.

В свое время, работая над портретом Демидова, Брюллов тщательно штудировал всевозможные детали. На рисунках, имеющихся в наших музеях да и оставшихся в Риме, рядом с набросками композиции в целом можно видеть бородатое лицо стремянного, ветки деревьев, сбрую, голову и ноги лошади, морды и лапы собак... Нет лишь лица главного персонажа — героя полотна. Безлик он и на эскизах, сделанных маслом.

Между тем в Италии имелся выполненный Брюлловым акварельный портрет Демидова — лицо крупным планом, на голове шапочка, похожая на феску. Находился он в бывшей загородной вилле Наполеона на острове Эльба — мемориальном музее, созданном на средства того же Демидова. В 1969 году рисунок был похищен, что, к сожалению, нередко случается в итальянских музеях. Сохранилась, однако, фотография этого портрета, по которой музейный смотритель, оказавшийся художником, сделал точную, как он уверял меня, копию. Акварель одноцветная — черная. С нее смотрит довольно будничное лицо. Кроме усиков, оно, пожалуй, не имеет ничего общего с идеализированными чертами гордо скачущего всадника. Быть может, разрыв между обликом Демидова, каким он был в жизни или по крайней мере каким его видел Брюллов, и таким, каким он сам хотел видеть себя на парадном портрете, не позволил живописцу довести эту работу до конца.

Умышленно не касаясь графики, да и тех картин, что находятся в частных собраниях, для полноты обзора выявленных живописных произведений К. П. Брюллова в итальянских музеях следует упомянуть еще крошечное полотно с изображением женщины в окне, принадлежащее Галерее Академии изящных искусств в Неаполе...

Рим — Москва.

**Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»**

Фото автора

...Залив лежал серым и сонным. Снежинки оседали на воде, белым пологом укрывали дюны, хлопьями повисали на ветках и сучьях Соснового Бора. В проемах замка густела непроглядная тьма. Подвывал ветер, сметая снег с городской ратуши, и жалобно поскрипывал флюгер на островерхой башне Оловянного Солдатика. Андерсенград уже спал, а Сосновый Бор, обхвативший со всех сторон этот сказочный городок, только начинал зажигать свои огни...

...По эту сторону черты — чисто. Можно ходить босиком, можно в белых носках, выданных вместе с комплектом такой же белой одежды — майка, комбинезон и шапочка. Выданы и ботинки. Но нога, обутая в ботинок, должна обязательно стать по ту сторону скамьи. Там скорее теоретически, нежели практически, может быть «грязно» — для того и даны специальная обувь и костюм. И вот тебя, обряженного в белые холстины, ведут длинными коридорами и многомаршевыми лестницами, мимо дверей, из-за которых появляются столь же непривычно одетые «стерильные» люди. Ведут в общем-то не так уж и долго, пока перед тобой не распахивается огромный зал. Вы помните, как Андерсен описывал чертоги Снежной королевы? «Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметила их вьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль... Холодно, пустынно, мертво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет». При виде этого реакторного зала атомной электростанции невольно почему-то вспомнились чертоги Снежной королевы — те же просторы, та же чистота, безлюдность. Но под ногами у нас не лед, а «котел», в котором бушует атомное «пламя» и кипит под большим давлением вода. Потом эта вода превратится в пар, пар станет вращать турбины, те дадут электричество. И вот уже в миллионах домов, на тысячах улиц вспыхивает сияние. Нет тут никакой сказки, никакого волшебства! И тем не менее ассоциации не дают покоя: «сияние вспыхивало и горело так правильно...» Так правильно, как только может быть правильна управляемая ядерная реакция...

Минули времена великого сказочника. Почти четверть века спустя после его смерти произошло событие хотя и немаловажное для науки, но едва ли казавшееся в ту пору перспективным для практики: Антуан Анри Беккерель открыл, что урановая руда испускает какие-то невидимые лучи с большой проникающей способностью. Вот эта-то их способность мне сейчас больше всего и не нравится: я беспокойно ощупываю свою фотосумку с пленкой да и сам побаиваюсь — как бы не «засветиться».

— Новички всегда тревожатся,— успокаивает сопровождающий меня по залу старший оператор Олег Игоревич Витин.— Однако за мою практику пока еще никто не «засветился».

Его слова убеждают: «атомный» стаж Витина больше двадцати лет, свыше половины из недавно отмеченных сорока — собственно, тех четырех десятков лет, за которые и стала складываться промышленная отрасль, получившая название атомной энергетики.

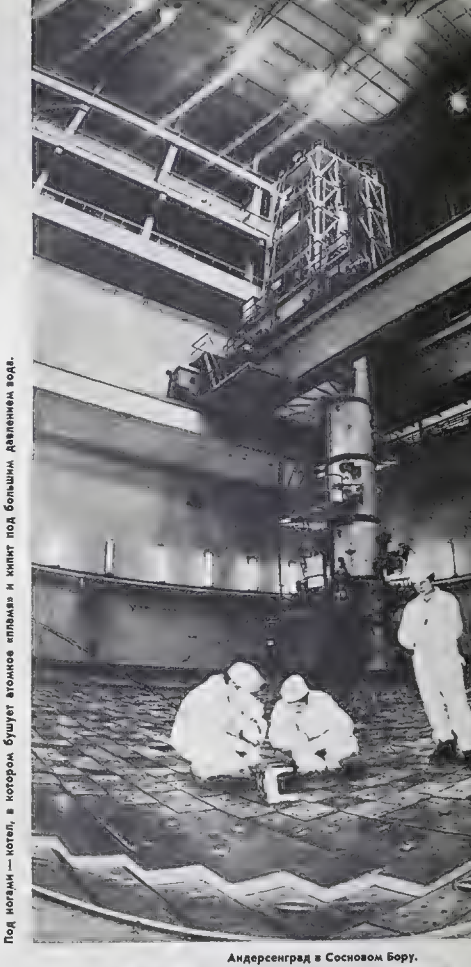
«Первобытный человек имел в своем распоряжении только энергию собственных мускулов (примерно 0,1 лошадиной силы) и ежедневно расходовал не более двух-трех килокалорий,— прочел я в интересной книге «Современные проблемы атомной науки и техники в СССР», написанной председателем Государственного комитета по использованию атомной энергии А. М. Петросьянцем.— Подчинив себе энергию падающей воды, угля, нефти и газа, человек стал потреблять на удовлетворение своих нужд ежедневно от 100 до 200 килокалорий. Вместе с ростом жизненного уровня непрерывно увеличивается потребление, а значит, и производство электрической энергии.

Многие ли задумываются над тем, надолго ли хватит человечеству топлива, горючего для получения электрической энергии?

Индийский ученый профессор Хоми Баба на международной конференции по мирному использованию атомной энергии еще в 1964 году говорил, что если потребление электроэнергии будет увеличиваться, то все промышленные запасы топлива будут израсходованы примерно в течение семидесяти пяти лет. Известно, что каждые двадцать лет объем потребления энергоресурсов возрастает более чем вдвое. А. Петросьянц продолжает: «Х. Баба, по-видимому, не полностью учитывал возможности поиска новых месторождений в таких огромных масштабах, как это мы наблюдаем сегодня... Прогнозы советских экономистов оказались более правильными, поскольку нам теперь ясно, что 75 лет — отнюдь не тот срок, когда повсеместно наступит топливный голод. Однако факт обсуждения этого вопроса на международной конференции атомщиков свидетельствует о необходимости более доверчивого отношения к атомной энергии как к новому источнику электроэнергии.

...Ядерная энергетика действительно получила все права гражданства для покрытия дефицита в классических видах топлива».

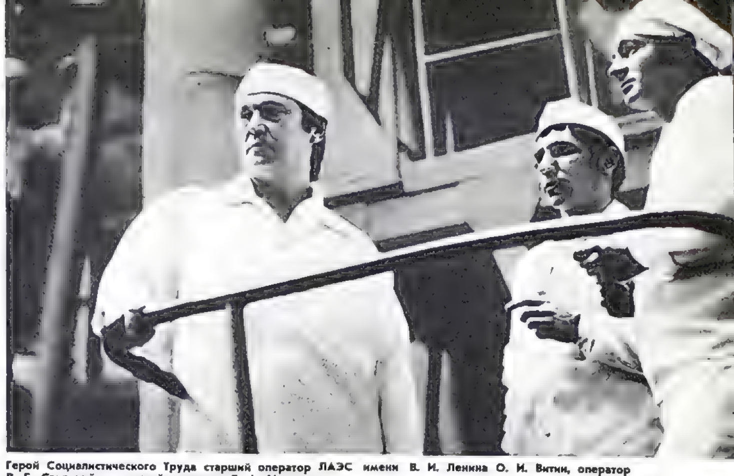
...Под нашими ногами бушует атомное «пламя», кипит атомный котел. Реактор и впрямь напоминает котел. Представьте себе этакий бетонный стакан, внутренний диаметр которого двадцать метров да и в высоту примерно столько же. А в нем, под шашечками, на которых мы стоим,— кассеты с тепловыделяющими сборками — ТВС. Каждая из них состоит из ряда твэлов — тепловыделяющих элементов — трубок, менее полутора сантиметров в диаметре, зато длиною в три с половиной метра. В трубках таблетки из двуокиси урана. Вот эти таблетки и

Под ногами — котел, в котором бушует атомное «пламя» и кипит под большим давлением вода.

Андерсенград в Сосновом Бору.

Герой Социалистического Труда старший оператор ЛАЭС имени В. И. Ленина О. И. Витин, оператор В. Б. Свирский и старший оператор Г. А. Истомин.

Герой Социалистического Труда турбинист Алексей Иванович Козловский.

адреса великих свершений

СКАЗКА И ЯВЬ СОСНОВОГО БОРА

есть топливо. На Ленинградской атомной электростанции имени В. И. Ленина, где мы сейчас находимся, мощность каждого блока (а их пущено уже три!) равна одному миллиону киловатт. Тут есть чему удивляться и есть с чем сравнивать. Вспомните, что у первой в мире АЭС — атомной электростанции в Обнинске, пущенной в 1954 году, мощность равнялась всего пяти тысячам киловатт. В двести раз меньше мощности лишь одного из реакторов «ленинградки»... Мощность всей Волховской ГЭС — первенца ленинского плана ГОЭЛРО — равнялась шестидесяти двум тысячам киловатт! Шестьдесят две тысячи и миллион. Шестьдесят две тысячи и три миллиона — это мощность трех блоков, уже пущенных на ЛАЭС. Но сооружается и четвертый. И это всего лишь одна электростанция... Ленинградская АЭС станет крупнейшей в мире атомной станцией такого типа. Но уже сооружаются станции и с более мощными реакторами. Игналинская АЭС в Литве будет иметь реакторы до полутора миллионов киловатт. Но и эти мощности не предел! Таковы они — шаги эпохи атомной энергетики, эпохи, вызвавшей новые масштабы, соизмерения.

Энергия одного килограмма урана равна энергии, выделяемой при сжигании почти трех миллионов килограммов угля. В реактор же загружается сразу почти двести тонн топлива. Это тот запас, с которым котел начинает работать, а потом уже счет идет на килограммы.

В районе, где я живу, есть небольшой завод спецназначения — сжигать мусор. Не знаю, крупнее он котельной или нет, но дыма от него хватает. А сколько же простая котельная может выбрасывать в воздух копоти и грязи? Ежедневно десятки, если не сотни килограммов. А сколько она пожирает кислорода?! Чего уж тут говорить о гигантской фабрике электричества, использующей мазут и уголь, но равной по мощности такой, как Ленинградская атомная. Атомные электростанции — это будущее энергетики не только с позиций использования нового вида топлива, но и сохранения природы. Существующие системы радиационной защиты гарантируют высокую степень безопасности АЭС и дают возможность размещать их вблизи крупных городов, вблизи основных потребителей энергии.

Ленинградская атомная не только крупнейшая в Европе и СССР АЭС. Это и головная станция из серии строящихся в нашей стране.

Мы миновали корпуса, уже завершенные и строителями и монтажниками, энергоблоки, давно вступившие в нормальный эксплуатационный ритм, и подъехали к третьему блоку, который в конце прошлого года дал промышленный ток, но тут еще не все работы завершены. Ухают какие-то механизмы, поливают синими искорками сварки монтажники из-под перекрытий громадного корпуса, натужно свистит воздух в компрессорах, с лязгом прокатываются тяжелые мостовые краны, и, перекрывая шум стройки, раздаются предостерегающие вскрики: «Поберегись!» Привычная картина, если б среди строителей изредка не мелькали люди, облаченные в белые комбинезоны. Под крышей турбинного цеха сейчас двое хозяев: на достроенной половине — эксплуатационники, их-то и выделяет белая форма, а на недостроенной — те, кто из мертвого металла и невообразимого хаоса труб формирует организм новой турбины, ее систем электрической и паро-водяной обвязки и еще многих подсистем. Разобраться в этом хаосе дано, очевидно, одному лишь богу да тем доверенным его лицам, о которых и в шутку и всерьез говорят: «Он в своем деле — бог!» Меня познакомили с двумя такими людьми.

Гавриил Николаевич Марьясов, бригадир слесарей-монтажников, монтирует самое сердце электростанции — атомный котел. Когда его бригада работала на сооружении второго блока электростанции, монтажная площадка еще не была готова. И монтажники вправе были сказать: «Что же, подождем!» Но бригада Марьясова не стала ждать, решила смонтировать блоки отдельно, а потом втянуть их под крышу. Сказать это просто, а сделать? Вес блока — ни много ни мало свыше пятисот тонн. Сделали, справились! За эту работу Марьясов и его товарищи были удостоены Государственной премии СССР.

Мы уже имеем представление о величине тех кусочков металла, которыми орудуют монтажники. Ну, а как насчет точности, так ли уж она нужна? На Ленинградской АЭС перегрузка топлива ведется на работающем реакторе. По мере выгорания урана можно заменить ту или иную кассету, не останавливая ни на секунду реактор. Для этого существует специальная разгрузочно-загрузочная машина, дистанционно управляемая оператором (как раз то, чем занимается наш знакомый Олег Игоревич Витин). Машина эта очень чутко реагирует на малейшую неточность сборки реактора, на несоблюдение ничтожно малых допусков. И тогда могут начаться сбои в работе машины, снизиться ее надежность... Словом, все не так просто, как может показаться на первый, непосвященный взгляд. И от качества работы монтажника на многие годы вперед зависит точная и безаварийная работа всей станции. Непросто.

Еще один «бог» — турбинист Алексей Иванович Козловский. Его бригада собирает электротурбины. Не самой большой мощности — на пятьсот тысяч киловатт (а существуют и миллионники). Длина такой «малютки» — шестьдесят четыре метра, а допуск на расцентровку (то есть отклонение от центра оси по всей длине) — сотые доли миллиметра. Просто не веришь, что подобной точности можно достичь. И не только достичь, но и собрать турбину так, чтобы она работала, как часы, и притом на невероятно больших оборотах. Да что там — как часы! Тут и сравнения-то подыскать невозможно.

В бригаде Алексея Ивановича есть и молодежь и «старички» — А. Лисецкий, И. Веренич, В. Пирант, А. Фадеев,— Козловский работает с ними уже не один десяток лет. И каждый из них — в том нет обиды бригадиру — в своей специализации может оказаться помозговитее самого Алексея Ивановича, Героя Социалистического Труда.

Мы часто говорим: рабочая гордость,—а еще чаще задумываемся: в чем же заключается она? В преданности своему делу, гордости за него, если хотите, даже в ощущении особой клановости, принадлежности к своему «цеху». Порой мы обесцениваем труд, пренебрежительно относясь к делу своей жизни. Так вот, среди атомщиков — и строителей и эксплуатационников — этой ржавчины нет. Выбранной профессии они верны и гордятся ею, ценят место свое в коллективе, годами, десятилетиями работают бок о бок, плечом к плечу с одними и теми же товарищами. И понятие «летун» здесь неприемлемо...

Мне хочется вернуться к Олегу Игоревичу Витину, вспомнить, как мальчишкой он пришел на предприятие.

— Тогда я только еще после семилетки окончил курсы электрогазосварщиков. Уехал далеко от дома, а совсем ведь мальчишкой был. Пришел в цех: сам присмотрелся, ко мне присмотрелись. Как-то мастер предлагает: «Вари!» А чего ж варить, я же говорю, ещё ничего не умею. «Умеешь, вари!» Так я и начинал. Мы говорим о воспитании молодежи, о наставничестве, а часто забываем, что не только в словах дело, но и в доверии, которое оказываем пареньку. Конечно, мастер тогда рисковал, доверяя мне ответственную работу. Но мне думается, что только так и можно научить, главное — дать возможность поверить в себя, почувствовать вкус к профессии, полюбить ее. Я часто встречаюсь с ребятами из школ нашего города. Принимаешься рассказывать, с чего начинал, какие детали «ворочал». У ребят загораются глаза. «Значит, и я смогу и у меня выйдет?!» А потом многие приходят к нам на станцию уже работать. И здесь опять важно: в чьи руки паренек попадет. Один опекун сунет ему инструкцию — читай, там все написано. Тут сразу можно сказать: дело хорошо не пойдет. А другой все покажет, даст парню попробовать, объяснит живыми словами. Глядишь, и загорелся огонек. И мальчишка в цехе уже не чувствует себя посторонним... А ребята, они хоть и разные, но в общем-то все неплохие. Вот и мой сын Сережка пришел к нам в цех электрослесарем. Часто у него собираются его сверстники. Интересно наблюдать их. Хорошие ребята, толковые, серьезные. И дело наше уважают и гордятся, что в таком необычном городе живут. И профессию нашу считают престижной... Оно так и есть.

В 1971 году за выполнение правительственного задания Олег Игоревич Витин был награжден орденом Ленина, а в 1975 году, когда подводились итоги пуска и освоения первого блока Ленинградской АЭС, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В день, когда я приехал на атомную, там шло предвыборное собрание, на котором Олега Игоревича Витина, старшего оператора Ленинградской атомной станции имени В. И. Ленина, выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета Российской Федерации...

...Снег перестал сыпать, и стали видны первые, еще робкие звезды. Время было не позднее — девятый час, и я решил пешком пройти до своей гостиницы, расположенной на самой границе города, на улице Молодежной. Почти во всех окнах горел свет под розовыми, голубыми и зелеными абажурами. И то ли от этого света, то ли от мягкого сияния уличных фонарей, то ли от близкого соседства сосен, пробегающих по дворам, толпящихся возле автобусных остановок и взбирающихся на невысокие дюны, городок казался не просто уютным, но и немного сказочным. Возле башни Оловянного Солдатика еще играла детвора, а за высоким деревянным частоколом, красиво обрамлявшим специально для того приспособленную площадку, припоздавшая хозяйка снимала промороженное хрустящее белье. Мамаши неспешно катили детские коляски... Все было обыкновенно и все-таки чуть-чуть непривычно. И дома тут стояли такие же, как и всюду, и опять же чуть-чуть не те... Вот это «чуть-чуть» и было то, что заставляет жителей Соснового Бора любить свой город... Мне рассказали, что когда был составлен план застройки города и его стали «накладывать» на местность, то заметили, что некоторые здания ложатся на деревья, а предварительно была проведена буквально поштучная съемка каждого дерева. И зодчие решили: не будем губить красоту. Вместо прямых улиц появились слегка изломанные линии. Встретившиеся дюны и тальвеги — неглубокие ложбинки — не стали срывать или засыпать, их укрепили, где надо, подпорными стенками, обсадили кустами. В центре одного микрорайона вырос деревянный городок — с крепостью и башнями, с нарядной горкой, скатываясь с которой детвора шлепается в плескательный бассейн. Жилые дома, чтоб они не подавляли однообразием, не только разместили под углом друг к другу, но и соединили между собой архитектурными вставками. Постарались и архитекторы и строители: их труд был отмечен Государственной премией РСФСР. Но город продолжал расти. И вот появилась мысль: в одном из новых районов создать на смену старой деревянной крепости настоящий каменный сказочный городок. И детям на радость и городу на украшение. Один из инициаторов этого строительства, начальник группы архитекторов Ленинградского проектного института Юрий Тимофеевич Савченко, провел меня по Андерсенграду — строительство сказочного городка началось в год юбилея сказочника.

— В этой крепости расположится открытый театр на двести мест, в торговых рядах «Три брата» (звучит солидно — торговые ряды, а там место для одного прилавка да нескольких полок) будут торговать книжками и игрушками. В кафе «Белоснежка и семь гномов» днем — дети, а вечером придет молодежь. В башне Оловянного Солдатика разместится выставка детского рисунка, а в этом замке — гараж детских автомобилей. Трасса автомобильной дороги опояшет городок, пройдет через лес, нырнет в туннель под крепостью. А на здании ратуши появятся старинные куранты. К лету просим в наш городок на новоселье...

Мамаши «разбирали» по домам своих малышей, ребятишки постарше еще продолжали скатывать в огромные шары выпавший снег. Звезды над городом и лесом становились все крупнее и крупнее, и вот-вот из-за сосен должен был показаться месяц.

ЛЕНИНИАНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

М. МИНОКИН,
доктор филологических наук, профессор

В эти дни, накануне 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, особенно интересно обозреть литературную Лениниану, перечитать книги о вожде, созданные за минувшие десять лет. Конечно, мы не сможем рассказать о всех романах и повестях о Ленине — их немало вышло и выходит в центральных и областных издательствах. Остановимся на наиболее интересно, рельефно рисующих образ Ильича, глубоко и неординарно исследующих методом художественного анализа жизнь и характер основателя первого в мире социалистического государства. Но постараемся не закрывать глаза и на просчеты художников, прикоснувшихся к ленинской теме,— ведь мы обязаны помнить, сколь велика ответственность каждого, кто берет на себя смелость сказать новое слово о Ленине. А каждое *новое* художественное произведение должно сказать именно новое слово — иначе его незачем и писать.

Начать этот обзор хочется с романа Сергея Сартакова «А ты гори, звезда». В нем дан широкий разворот исторических событий — от 90-х годов прошлого столетия и до кануна первой мировой войны.

На широком историческом фоне С. Сартаковым тщательно прослеживаются взаимоотношения В. И. Ленина с И. Ф. Дубровинским, революционером сложной судьбы, преодолевшим под влиянием Ильича некоторые заблуждения и нашедшим настоящую дорогу в революцию. Линия Ленин — Дубровинский развивается в романе, проходя через несколько кульминационных точек.

Среди них кровавое воскресенье в Петербурге, разгром восстания матросов в Кронштадте, похороны Баумана в Москве — все эти события содействовали мужанию Дубровинского. Только в 1905 году он встретился с Лениным, возвратившимся в Россию в разгар революции. Дубровинский до встречи был морально подавлен, даже растерян и готов был взять лично на себя все промахи кронштадтского восстания моряков. «Ну что же, хорошо! Хоть я и адвокат, но защищать вас от вас же самого больше не буду. Прошу только иметь в виду, дорогой Иосиф Федорович, что царская тюрьма — штука мучительная, однако угрызения собственной совести — наказание мучительнее всякой каталажки. Поэтому наказывайте себя. Сурово. Но не бессердечно. Исправили ошибку, загладили вину — и не прячьте глаз, не опускайте голову». Так говорит Владимир Ильич.

Автор внимательно прослеживает отношение Ленина к Дубровинскому. Очутившись снова в эмиграции, Ильич пристально следит за его судьбой, а тому уготованы были тяжелые годы в тюрьмах и ссылках. И как Ленин был рад, когда увидел его в Лондоне среди делегатов Пятого съезда партии, а затем во время встреч в Женеве и в Париже. Однажды Ленин пожаловался Дубровинскому, что ему «хуже горькой редьки» надоели бесконечные споры с эсерами. «А надо,— сказал Дубровинский.— Горькая редька очень полезна!» На это Ленин ему ответил: «Вот вы в Женеве ее досыта и отведаете! Взмóлитесь: дайте хрена! Хотя, как известно, хрен редьки не слаще. Но — не пугаю, Иосиф Федорович! Скорее заманиваю в здешнюю эмигрантскую кухню. Постарайтесь в ней занять место повара».

Особенно писателю удается речь Владимира Ильича — живая, динамичная, образная. И это необходимо отметить особо потому, что некоторые авторы приписывают Ленину слова и выражения газетные, лишенные эмоционального накала. С. Сартаков умеет показать и портрет вождя, и его манеру держаться, говорить и мастерски раскрывает его психологию.

Конечно, сюжет романа «А ты гори, звезда» много шире, чем одна линия: Ленин — Дубровинский. В главах, изображающих жизнь и деятельность вождя революции в эмиграции, мы видим его в жарких спорах с Богдановым, Мартовым, Зиновьевым. Ленин чуток и внимателен по отношению к таким единомышленникам, как Дубровинский и Радин, он беспощаден к «вихляющимся» представителям оппозиции.

Раскрывая сложные, всесторонние связи вождя с политической жизнью России и Западной Европы, писатель рисует образ Ленина многогранно, стремится к художественному проникновению в сложнейший характер. И часто ему сопутствует успех как следствие напряженной исследовательской и подготовительной работы, которую провел писатель.

М. Горький, один из зачинателей советской Ленинианы, в своем очерке «В. И. Ленин» проницательно сказал: «Писать его портрет — трудно. Ленин, внешне, весь в словах, как рыба в чешуе... его героизм — это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента-революционера, непоколебимо убежденного в возможности на земле социальной справедливости, героизм человека, который отказался от всех радостей мира ради тяжелой работы для счастья людей».

Да, советские писатели и вообще советские деятели искусства обязаны помнить, что «писать его портрет трудно», что ленинская тема, создание образа вождя — дело чрезвычайно ответственное. Наш читатель прекрасно знает биографию Владимира Ильича, знает славную историю созданной им Коммунистической партии, хорошо знает судьбы верных соратников Ленина. И потому чувствует малейшую неточность, вольную или невольную фальшь в изображении жизни и деятельности Ильича. Нельзя критикам не замечать и произведения, написанные честной, но ремесленнической рукой, произведения сырые, лишенные подлинно художественной глубины. К сожалению, и такие книги появились в последнее время. Можно к ним отнести, например, пятую книгу романа М. Соколова «Искры».

Недавно увидела свет новая книга Афанасия Коптелова — «Точка опоры». Первые две части трилогии — «Большой зачин» и «Возгорится пламя» — получили горячее одобрение читателя, разошлись миллионными тиражами как в нашей стране, так и за рубежом. Роман «Точка опоры» посвящен организаторской роли Ленина и большевиков в период подготовки и издания «Искры», многогранной работе Ленина накануне и в годы первой русской революции. Как и в предыдущих романах, в новой книге А. Коптелова есть яркие картины, впечатляющие образы, но в целом роман несколько слабее, чем два первых. Правда, и в тех книгах уже ощущалась «перенаселенность», в новой же автор и вовсе стремится никого не пропустить, а это влечет за собой поверхностное изображение даже интересных фактов и лиц и иллюстративность целого ряда глав.

Мы об этом говорим потому, что твердо верим в возможности А. Коптелова: ему по силам довести книгу до уровня первых двух частей трилогии. Писатель, конечно, знает, сколь высоки требования к произведениям о Ленине, как точно и выверенно должно быть слово о вожде.

Не только российские писатели создают произведения о Владимире Ильиче. Критики и читатели отмечали книги украинского писателя Владимира Канивца: роман «Александр Ульянов», дилогию «Ульяновы», документальную повесть о молодом Ленине — «Студент университета». Эти книги значительно обогатили нашу многонациональную Лениниану. Произведения В. Канивца свидетельствуют еще и о том, что художник не должен бояться тем, которые разрабатывались до него другими авторами. Известно, что М. Шагинян в своих романах-хрониках «Рождение сына» и «Первая Всероссийская» глубоко изобразила большую семью Ульяновых, все дети которых стали революционерами. В. Канивец свой роман посвятил также родителям Александра и Владимира Ульяновых, но если М. Шагинян достигает значительных результатов средствами публицистики, то украинский писатель создает роман с определенной долей вымысла, строящегося на пристальном изучении документального материала.

Со времени празднования вековой годовщины Владимира Ильича Ленина значительно расширился тематический диапазон литературной Ленинианы. Так, заметно на первый план выдвинулась тема «Ленин и мировое значение Великой Октябрьской социалистической революции». Одним из первых эту актуальнейшую тему стал разрабатывать Савва Дангулов (напомним его роман «Дипломаты», его повести и новеллы о встречах Ленина с иностранными политическими деятелями, в том числе с Джоном Ридом — «Друг», «Сердце»). Кстати, С. Дангулов в соавторстве с А. Дангуловым недавно издал очень интересную книгу «Легендарный Джон Рид», в которой рассказал языком документов о мировой роли русской революции и ее великого вождя.

Можно отметить и книги других писателей: «Страшный суд» Алексея Югова и «Золотой пояс» Дмитрия Еремина, в которых прослеживается роль идей Ленина в сложном и яростном мире.

Персонажи романа Д. Еремина делятся на две основные группы: одна — Ленин, Чичерин, Литвинов, Джон Рид, Красин, Мартенс; другая — американские президенты Вильсон и Гардинг, английские министры Черчилль, Керзон, Ллойд-Джордж. Своеобразным «посредником» между теми и другими действующими лицами является американский бизнесмен Вашингтон Вандерлип. Для показа противоречивого пути этого реального героя к пониманию революции, ленинской правды Д. Еремин поднял архивные материалы, в том числе стенограмму беседы Ленина с американцем.

Собственно Ленину целиком посвящена одна глава, но о руководителе Советского государства говорится на протяжении всего романа, деятельность его прослеживается тщательно и скрупулезно.

Тема «Ленин и Великий Октябрь» потребовала от современ-

СО СПЕЦИАЛЬНЫМ ЗА

Г. ШУМИЛИН

Известен подвиг трех советских патриоток — Е. Г. Мазаник, Н. В. Троян и М. Б. Осиповой,— удостоенных высокого звания Героя Советского Союза. Они с честью выполнили задание партизанского штаба — уничтожить гитлеровского наместника в Белоруссии гауляйтера фон Кубе.

Автор публикуемого очерка на основе вновь полученных документальных материалов и личных бесед с некоторыми участниками этой операции рассказывает о малоизвестных деталях, связанных с ее подготовкой и осуществлением. Он также знакомит еще с одним активным ее участником — немецким антифашистом К. Кляйнюнгом.

Летом 1943 года, когда Советская Армия вела успешное наступление на огромном фронте от Великих Лук до Черного моря, в оккупированном Минске сконцентрировались большие силы полиции и других карательных органов немецко-фашистских захватчиков. Сюда бежали шпионы, провокаторы, предатели, изменники Родины. Опираясь на эти силы, палач белорусского народа Кубе готовил очередную карательную операцию против мирных жителей под названием «Падают листья». Планировалось уничтожить более миллиона человек.

Руководителям минского подполья стало известно об этом дьявольском плане гитлеровцев. Сорвать план, убить палача Кубе — таков был замысел штаба партизанского движения. Начались настойчивые поиски способов ликвидации фашистского изверга. Генерал не мог не знать о грозящей ему опасности. Он окружил себя усиленной охраной, состоявшей из 27 эсэсовцев. На улицах города Кубе появлялся в сопровождении нескольких автомашин с автоматчиками.

Как быть? Реальным оказался один путь — проникнуть в служебную резиденцию Кубе или в его особняк, где работало много жителей Минска — повара, официанты, горничные, служанки.

В партизанском отряде майора А. Федорова знали, что Елена Мазаник работает в доме Кубе горничной и пользуется доверием его жены. Командование отряда приняло решение установить с Мазаник связь и подготовить ее для выполнения специального задания в операции против гауляйтера.

Одновременно, независимо от замысла отряда А. Федорова, в оперативной группе, командиром которой был Юрий Куцин, тщательно готовилась «уличная» операция — убить Кубе на улице,— операция, в которой должен был принять участие немец Карл Кляйнюнг.

Кто он, этот честный немец, выступивший против нацизма? Я знаю Карла многие годы, мне неоднократно доводилось беседовать с ним о минувшей войне, о судьбах народов, переживших все ужасы гитлеризма. И мне тем более приятно рассказать сейчас о нем.

...В августовскую ночь 1943 года с подмосковного аэродрома взял курс на запад самолет «дуглас» с группой немцев-антифашистов на борту. Среди них и немецкий коммунист — активный участник антифашистского движения Карл Кляйнюнг. Он имел большой опыт подпольной работы, хорошую физическую и военную подготовку, обладал сильной волей и другими необходимыми разведчику качествами.

Прорвавшись сквозь заградительный огонь немецких зенитных батарей, самолет приземлился в партизанском районе Белоруссии. Для Карла начинался новый этап его многолетней борьбы с фашизмом. В свое время он был политическим руководителем районной организации Союза Красных фронтовиков города Ремшейд. И когда к власти пришли фашисты, он по решению ЦК Компартии Германии эмигрировал сначала в Голландию, а затем перебрался в Бельгию, где продолжал выполнять ответственные задания партии.

...Октябрь 1936 года. Кляйнюнг отправляется в Испанию по призыву Коммунистического Интернационала, вступает добровольцем в Интернациональную бригаду республиканской армии. Здесь он впервые встретился с советскими бойцами и плечом к плечу, рядом с ними участвовал в боях против фашистов.

Закончилась война в Испании. Карл Кляйнюнг вместе с другими немецкими коммунистами уехал в Советский Союз и стал слесарем на автомобильном заводе в Горьком. Он внимательно следил за событиями в фашистской Германии, вел активную антифашистскую работу среди политэмигрантов, упорно изучал русский язык.

Когда фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, Кляйнюнг добровольно вступил в одно из специальных партизанских подразделений. За короткое время он выполнил несколько ответственных заданий за линией фронта. И вот теперь еще одно, и, пожалуй, самое сложное: он летит в Белоруссию.

...Кляйнюнг вспоминает трогательное расставание с женой, верным другом Юлией, которая в ту пору ждала первого ребенка. Он успокаивал ее: «Ничего, родная, не волнуйся, все будет хорошо. Будь осторожна, береги себя, и если тебе будет трудно, обратись к моим советским друзьям, они обязательно помогут. А если у нас родится сын — назови его Отто».

Провожая Карла, Юлия знала, что его работа в тылу врага связана с большим риском для жизни, и, конечно, тяжело переживала расставание.

Карлу помнятся и последние напутственные слова товарищей, отправлявших его в тыл врага, их добрые советы, пожелания.

...Карл Кляйнюнг прибыл в распоряжение руководителя оперативной группы Юрия Куцина. В Минске постоянно находятся его люди. Они внимательно следят за обстановкой в городе, передвижением гитлеровских войск, действиями оккупационных властей, добывают важные разведывательные сведения о противнике, выполняют другие ответственные задания командования. В течение нескольких дней Куцин тщательно инструктировал Карла: правила конспирации, связь и явки, надежность документов — все было взвешено, оговорено и проверено. И вот Карл в сопровож-

ных писателей расширения временных рамок и «географии» произведений. В романе «Дипломаты» действие переносится из Петрограда в Лондон, из Лондона в Стокгольм; в «Золотом поясе» — из Америки в Москву и Париж, в «Легендарном Джоне Риде» герой появляется то в Мексике, то во Франции, то в Швеции и Финляндии, то в Советской России. Такой же размах приобретает сюжетное действие во втором томе романа Алексея Югова «Страшный суд» (первый том «Шатровы» повествует о дореволюционных событиях в Сибири).

Еще одной темой, выдвинутой современной Ленинианой, является тема созидания, тема восстановления экономики страны под руководством Ленина, по его гениальному плану. В ее освещении основная роль принадлежит прежде всего малым эпическим жанрам — повестям, новеллам, очеркам.

Так, в сборнике повестей и рассказов Сергея Антонова «Трудный день» выделяется повесть «Огонек вдалеке». В ней В. И. Ленин показан в окружении ученых, инженеров, мастеров, он направляет их знания, опыт, энергию на строительство промышленности, на выполнение плана электрификации.

Главу «Деревня Кашино» можно назвать вставной новеллой в повести «Огонек вдалеке».

Владимира Ильича пригласили в Кашино разделить радость «при виде электрического освещения в крестьянских халупах, о котором при власти царей крестьяне не могли и думать».

На митинге выступил председатель местного совета Родионов:

«Надолго запомнил Владимир Ильич слова этого умного крестьянина...— От лица собравшихся я приветствую новое событие в жизни деревни. Мы, крестьяне России, были темны, и вот теперь у нас появился неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту.

Ленин подумал, что для крестьянской массы электрический свет, конечно, есть свет «неестественный», но для коммунистов, для партии гораздо неестественнее то, что сотни лет крестьяне жили в темноте, нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов».

Маленькая деревенская электростанция, давшая свет нескольким десяткам хат, для Ленина явилась тем зародышем огромного дела, которое начато было Советским государством. Ленин был великим мечтателем, и его мечты начали сбываться уже при его жизни. Великого вождя радовало

ДАНИЕМ

дении группы партизан отправляется в Минск. Он в немецкой военной форме.

«Виктор» — это его кличка — устанавливает контакт, а затем доверительные отношения с опытными и надежными подпольщиками, в частности с коммунистом Федором Простаком и Лидией Драгун. С их помощью он и вел подготовку намеченной операции — убить гитлеровского гауляйтера на улице.

По заданию «Виктора» Лидия встречается с Еленой Мазаник, рассказывает о «новом товарище». Но Елена, проявляя максимум осторожности, уклоняется от контакта с «Виктором»: «Я не знакома с ним... Воздержусь...»

Она не сказала Лидии — конспирация! — что Осипова уже передала ей портативную магнитную мину и тщательно проинструктировала, как с ней обращаться. Тогда же они договорились о времени проведения операции.

...В ночь с 21 на 22 сентября 1943 года мощный взрыв потряс резиденцию рейхскомиссара Белоруссии. Это был конец гитлеровского наместника фон Кубе.

Так общими усилиями минских подпольщиков и партизан было успешно выполнено одно из сложнейших и ответственных заданий. Действовали в основном две группы: одна из партизанского отряда майора А. Ф. Федорова, другая — из отряда Ю. М. Куцина, обе шли к одной цели — в кратчайший срок ликвидировать палача белорусского народа.

Как известно, убийство Кубе вызвало огромный резонанс во всем мире. О его смерти сообщило берлинское радио, затем радиостанции Лондона и Парижа. У немецко-фашистских захватчиков оно вызвало панику и страх перед нависшим над каждым из них возмездием.

Сменивший Кубе группенфюрер СС генерал-лейтенант фон Готтберг, не менее жестокий фашистский палач, приказал расстрелять десятки эсэсовцев из охраны генерального комиссара и уничтожить целый район Минска. А потом принялся за население и партизан.

Однако массовый террор гитлеровских оккупантов уже не имел того устрашающего воздействия, на которое рассчитывали разъяренные фашисты. Подпольщики приняли активные контрмеры. За Готтбергом они охотились еще до убийства Кубе. В начале июня 1943 года минские патриоты были близки к цели. Но операция успехом не увенчалась. В конце октября того же года группа минских патриотов, в которую был включен и Карл Кляйнюнг, подготовила новую операцию по ликвидации генерала Готтберга. Карл помог подпольщикам изготовить специальную мину для гауляйтера и объяснил, как с ней обращаться. Но тут же встал вопрос, удастся ли пронести ее через весь город, ведь по улицам снуют военные патрули и полицейские. И Карл, не задумываясь, сам доставил опасный груз в Лошицу — пригород Минска. Там он передал мину О. И. Вербицкой, а та перенесла ее в резиденцию гебитскомиссара. Здесь работали свои люди: комсомолка Надя Моисеева, бывшая студентка медицинского института, Мария Чижевская и ее дочь Лиля. Им удалось установить мину в зале, где Готтберг должен был проводить совещание с высокопоставленными лицами. Однако гестаповцы смогли предотвратить убийство гауляйтера. Моисеева, Чижевские — мать и дочь — были схвачены и казнены.

Позже Карл Кляйнюнг продолжал борьбу с немецкими фашистами уже в рядах прибалтийских партизан.

...Много лет прошло с тех пор. А Карл Кляйнюнг ничего не забыл, все помнит, во всех деталях. Он рассказывал мне, как, вернувшись из партизанского края в Москву, пошел в Кремль, чтобы получить свой первый советский орден. Среди многих удостоенных этой чести был тогда только один немец — Кляйнюнг. Когда была названа его фамилия, Карл, волнуясь, встал со своего кресла и подошел к заместителю Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Н. М. Шверник тепло поблагодарил отважного антифашиста за бесстрашие, проявленное в борьбе с фашизмом, и пожелал ему новых боевых успехов.

Не забывают своего боевого друга — немецкого коммуниста, патриота, интернационалиста — участники минского подполья. Когда отмечалась двадцатая годовщина освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков, Карл Кляйнюнг вместе с женой Юлией Арнольдовной побывал в Минске. Неузнаваемым, совершенно новым предстал перед ним когда-то разрушенный город. Он ходил по широким улицам и проспектам, вспоминая все, что было связано с этим дорогим для него городом в суровые годы войны. Вот и дом Федора Простака, в котором конспиративно собирались подпольщики, и Карлу казалось, что он снова идет на встречу с боевыми товарищами. Хозяина дома уже не было в живых, но его дочери Ольга, Зинаида и Лариса Простак сразу узнали того самого «Виктора», который во время войны часто встречался с их отцом и другими минскими подпольщиками. В тот день в доме Простака собрались боевые друзья Карла Кляйнюнга. Вспоминали смелые, дерзкие операции против палачей белорусского народа, вспоминали тех, кто отдал жизнь в жестокой борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Недавно мне довелось встретиться с Е. Г. Мазаник и К. Кляйнюнгом.

Герой Советского Союза Елена Григорьевна Мазаник после войны окончила пединститут и работала заместителем директора библиотеки Академии наук БССР. Сейчас она на пенсии и по-прежнему продолжает активную общественно-политическую деятельность, много внимания уделяет патриотическому воспитанию молодежи, часто выступает с лекциями и докладами.

...Карл Кляйнюнг прошел большой жизненный и боевой путь от рядового солдата до генерала. Он член Общества германо-советской дружбы, ведет большую общественно-политическую работу, делает многое для того, чтобы дружба между немецким и советским народами постоянно углублялась и укреплялась. Правительство Германской Демократической Республики высоко оценило заслуги Карла Кляйнюнга перед государством, наградив его многими высшими орденами и медалями республики. Он кавалер нескольких советских орденов и медалей.

Карл Кляйнюнг — один из многих немецких антифашистов, которые в суровые годы второй мировой войны оставались верны принципам пролетарского интернационализма и вместе с советскими людьми боролись против гитлеризма.

В этом доме проходили конспиративные встречи участников минского подполья. Здесь же на квартире Л. Д. Драгун жил некоторое время К. Кляйнюнг.

Карл Кляйнюнг.

то, что с ним шли рядом такие люди, как Кржижановский, Винтер, Цандер. Мечтали о будущем — о завтрашнем дне и далеком будущем — и самые рядовые люди. Мотив, звучащий на протяжении всей повести,— это мечта о полете на планету Марс.

Однажды Ленин случайно услышал слова: «Собирается вскорости лететь на Марс». Он вспомнил о лекциях ученых, о газетных сообщениях, о теориях Циолковского, о предполагаемых сигналах с Марса. «Ленину, конечно, была далека сенсационная шумиха, но сама дерзостная мысль не могла не быть по душе. «Собирается вскорости лететь на Марс»! И самым серьезным тоном!» Он и далее любил повторять эти слова незнакомого человека. Кто-то ему даже сказал о предстоящей лекции в Политехническом музее на тему межпланетных сообщений: «Человек, который хотел вскорости лететь на Марс, действительно существовал. Он все время был где-то рядом. Нет, он не ошибся тогда, не ослышался.

В этот день с самого утра Ленин жил в предвкушении радости».

Из-за болезни Владимир Ильич не мог послушать доклад Фридриха Цандера об изобретенном им аппарате для полета в космос, однако Ленин теперь хорошо знал, что человек, который собирается лететь на Марс, живет и работает в Москве. Слушатели Цандера изобретателю верили: «Не сейчас, а когда-нибудь вот так и будет, как говорит этот худощавый инженер»... Рассказав об этом эпизоде, автор подчеркнул, что Ленин и такие люди, как Цандер, являются более серьезными мечтателями, чем английский писатель-фантаст Герберт Уэллс. Ибо их мечты претворились в нашей действительности: в Советском Союзе сооружены такие гидростанции, как Волжская, Братская, Красноярская, советский гражданин первым вышел в космос.

Так в общих чертах выглядит повествовательная Лениниана накануне празднования 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича. В жанрах романа, хроники, документальной повести, исторической новеллы получили разработку разные темы и периоды жизни и деятельности Ленина: детские и юношеские годы, начало политической деятельности и сибирская ссылка, участие Владимира Ильича в первой русской революции и руководство подготовкой и осуществлением Великого Октября, влияние русской революции во главе с Лениным на мировое движение рабочего класса.

Виктор ПОПОВКИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ

СОПЕРНИЧАЯ

Когда меня везли сюда на специальной машине скорой помощи, мне сказали: «Сейчас будут пришивать ваши пальцы». Я не поверила, думала, шутят, чтоб меня подбодрить...

Женщина слабо улыбается. В голосе ее и растерянность и усталость от пережитого. И в то же время какая-то удивительная просветленность в глазах и благодарность... Вставать ей пока нельзя, да это и понятно: всего лишь несколько часов назад она была на операционном столе, ей к кисти пришивали пальцы, казалось бы потерянные навсегда.

Я слегка касаюсь пальцев забинтованной руки, касаюсь движением очень осторожным и ощущаю: вот они, торчащие кончиками из-под бинта, они еще прохладны, эти два только что пришитых пальца, и все-таки они — живые.

Сегодняшний день — та грань во времени, когда операции по «пришиванию» пальцев, кистей рук и даже самих рук (до локтя и выше!) постепенно переходят из области сенсаций в разряд рабочих будней медицины.

Я разговариваю с доктором медицинских наук Иваном Григорьевичем Гришиным, руководителем отделения хирургии кисти ЦИТО — Центрального ордена Трудового Красного Знамени Научно-исследовательского института травматологии и ортопедии имени Н. Н. Приорова, отличным хирургом. Он-то и пришил пальцы той женщине, которая думала, что шутят.

— Операции по реплантации пальцев и кисти рук, которые мы осуществляем в нашем институте уже второй год, — говорит он, — требуют чрезвычайно отработанной, тончайшей хирургической техники, применение которой было бы немыслимо ни без хирургического микроскопа, ни без специального шовного материала, потому что здесь приходится иметь дело с сосудами. При операции на кисти нам нужно сшить сосуды, диаметр которых полтора — три миллиметра. Когда же приходится пришивать, скажем, средний палец руки, нужно сшивать кровеносные сосудики диаметром от трех десятых до шести десятых долей миллиметра! Шовный материал в полтора-два раза тоньше волоса. И на одну только вену пальца надо наложить девять — одиннадцать швов. Работа не только тонкая, но и срочная: важно вовремя запустить кровоток, вернуть жизнеспособность отторгнутому органу, пока не произошли необратимые явления в тканях.

— А нервы вы тоже сшиваете? — спрашиваю я.

— Конечно. Ведь наша задача состоит не только в том, чтобы вернуть человеку его руку в «целости». Нельзя допустить, чтоб рука была «слепой», — надо добиться полного восстановления чувствительности, осязательных возможностей пальцев. Эти возможности настолько велики, что пальцы не зря образно называют нашими вторыми глазами. Даже не глядя на предмет, просто ощупав его, мы можем сказать, что это за предмет, и многое о нем узнать. Пока наши пальцы целы, мы и не представляем, какие это помощники нашим глазам...

Впервые операции, позволившие возвращать человеку потерянные им в результате травмы пальцы и кисти рук, у нас в стране были сделаны во Всесоюзном центре клинической и экспериментальной хирургии по инициативе и под руководством академика Б. В. Петровского (руководитель клиники профессор В. С. Крылов).

...То, что делается здесь, в отделении хирургии кисти ЦИТО, вызывает не только уважение, но и неподдельное изумление. Представьте себе: здесь умеют даже выращивать палец! Да, да, я видел именно такой, искусственно выращенный большой палец руки. Он не имеет ногтя, он состоит из одной удлиненной фаланги, но это действительно большой палец руки, выращенный из плоти и крови того же человека. Обладающий необходимой для работы чувствительностью!..

Старший научный сотрудник отделения Ирина Николаевна Шинкаренко объясняет мне во всех подробностях, как это делается. Объясняет настойчиво, потому что видит: не очень-то и не сразу я принимаю все как реальность.

Да, здесь делают много удивительного. Восстанавливают подвижность пальцев с применением специальных дистракционно-шарнирных аппаратов Волкова — Оганесяна. Эти аппараты берут на себя все скелетные нагрузки, снимая их с пораженных болезнью или травмой суставов, обеспечивая излечение их, восстановление и функций и прежней структуры. Аппараты запатентованы в восьми западноевропейских странах.

В особо тяжелых случаях в пальцы вставляют пластмассовые силиконовые «косточки» взамен суставов, окончательно деформированных страшным недугом — ревматоидным полиартритом. (Это так называемая «артропластика», то есть замена поврежденных мелких суставов кисти рук искусственными.) Я видел руки женщины, обезображенные, болезненно искаженные и скрюченные — до операции. И ее же руки после артропластики — гладкие, ровные, подвижные нормальные руки человека...

Почти половина всего института отдана детям. Здесь им делают сложнейшие операции после травм. Всерьез и углубленно занимаются лечением тяжелых ортопедических заболеваний.

— В самом слове «ортопедия», — говорит директор института, крупнейший ученый травматолог-ортопед, академик АМН СССР Мстислав Васильевич Волков, — заключен не только медицинский, но и большой человеческий смысл. В переводе с греческого это слово значит — наука о выпрямлении ребенка. Уже потом стали использовать слово «ортопедия» более обобщенно, применительно ко всем возрастам, как науку о выпрямлении человека.

К сожалению, почти половина всех нарушений строения позвоночника, суставов, других костей костного скелета — врожденная. Немало детей уже при появлении на свет наделены от природы этими дефектами. И понятно, что лечить их нужно как можно раньше. Тогда последующее развитие пойдет по верному пути, наука и практика уже доказали это.

Другая серьезная угроза правильному развитию ребенка — травмы. Детство и отрочество не случайно называют в этом отношении возрастом повышенного риска. Вот почему, к слову сказать, профилактика детского травматизма — большая не только медицинская, но и общественная проблема.

Чтобы предотвратить искажения в развитии и росте ребенка, помочь всестороннему выпрямлению его после заболеваний и повреждений, ученые института разрабатывают и успешно применяют массу разнообразнейших методов лечения как для исправления «ошибок» природы, так и для помощи при несчастных случаях. И хирургия здесь (наряду с другими средствами помощи) занимает, конечно же, не последнее место. Вот почему не случайно директор института и председатель Всесоюзного научного общества травматологов-ортопедов М. В. Волков взял на себя непосредственное руководство отделением детской и подростковой ортопедии.

Вместе с Мстиславом Васильевичем после проведенной им очередной операции мы идем по широким и светлым коридорам детского отделения. Навстречу нам из палаты выходит девочка-подросток.

— Ну, как? Ты уже ходишь? — спрашивает ее мой спутник.

— Хóжу, — с неожиданным ударением на первом слоге отвечает девочка. Она, оказывается, из Югославии. Ее ноги удлинили здесь на одиннадцать сантиметров.

— Молодец! А коленку сгибаешь? Умница...

— У девочки была проведена операция по исправлению врожденного дефекта, — поясняет мне хирург. — С этой целью были использованы дистракционный аппарат Илизарова и репозиционный аппарат Волкова—Оганесяна. Фигурка девочки, как видите, обрела стройность и соразмерность.

Лица детей... Это удивительные лица! Я видел их множество здесь — до операций, после операций, в дни выздоровления. И они запомнились мне в калейдоскопе улыбок, светлых и открытых взглядов. Дети — оптимисты по своей натуре! На них нет той тяжелой печати удрученности, которую мы, казалось бы, вправе ожидать от ребят в этих нелегких испытаниях, выпавших на их долю. Тому, конечно, причиной и вся окружающая обстановка и весь настрой врачей, медицинских сестер, санитарок, педагогов, воспитателей.

Здесь стараются помочь ребенку преодолеть болезнь, дать почувствовать себя снова нормальным, сильным, красивым. Ведь операция — это только один из этапов лечения. К услугам юных пациентов лечебная физкультура, массаж, игро- и трудотерапия, бассейн для лечебной гимнастики. Им помогают преодолеть робость и неуверенность специалисты-психологи. Да, задача всех, кто работает в отделении, в том, чтобы ни один ребенок не чувствовал себя ущербным, обиженным судьбой. И это удается. Ребята с большой охотой учатся в школе-десятилетке, которая находится в самой клинике: рядом с лечебными палатами располагаются учебные классы.

Срочный вызов.

Идет операция.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

— А мне завтра домой!

И взрослому человеку приходится делать «первые» шаги.

Директор ЦИТО, академик АМН СССР М. В. Волков на консультации.

С ПРИРОДОЙ

Школьные занятия в самой клинике — лишь часть дела. При ЦИТО создан и успешно работает первый в мире специализированный интернат для ребят, страдающих сколиозом, там учатся, живут и одновременно лечатся семьсот мальчиков и девочек. Искривления позвоночника — болезнь очень нелегкая, если ее запустить; а лечить ее нужно особенно методично и кропотливо. В учебных классах даже парты служат сразу двум целям: учению и лечению. Они сконструированы и сделаны тут же — на опытном заводе при ЦИТО. (Об этом предприятии, выпускающем массу инструментов, приспособлений и даже искусственных деталей для замены безнадежно поврежденных костей и суставов человека, можно и нужно писать отдельно.)

Сейчас, к слову сказать, по образцу этого школьного интерната создано уже тридцать восемь таких же интернатов.

Мы снова в кабинете директора. Мстислав Васильевич называет массу новых проблем, над которыми работают в институте. Это и пересадка консервированных костей, суставов, сухожилий, кожи. И применение полимеров для замещения связок, костей, суставов. И использование ультразвука для операций на костях и мягких тканях. И развитие компрессионно-дистракционных методов лечения, возвращающих людям подвижность рук и ног. Большие исследования в клиниках и лабораториях ведутся в области специальных методов диагностики и лечения спортивных травм: весь институт активно готовится к встрече с Олимпиадой-80.

Напоследок я спрашиваю ученого, что означает гравюра на стене в его кабинете. Там двое средневековых врачей пришивают ногу, видимо, знатному горожанину?

— Это репродукция с картины известного итальянского художника,— говорит М. В. Волков.— На ней изображен сюжет, взятый, как утверждается, из жизни. По инициативе двух братьев Космоса и Дамиануса лекарь пришивает лишившемуся больной ноги аббату ногу от умершего накануне негра. Это был, конечно, безнадежный эксперимент. Безнадежный не только для жизни аббата, но и для жизни двоих братьев. Католическая церковь обезглавила их «за богохульство». Хотя позже та же церковь причислила их к лику святых. Для нас эта картина ценна тем, что свидетельствует: еще в средние века люди пытались решать эти проблемы... Теперь мы знаем об иммунологической несовместимости. Мы и сегодня, конечно же, не можем пересадить, скажем, ногу или руку от одного человека другому. Пока — не можем. Весь мир сейчас бьется над подобными проблемами. Проблемами тканевой совместимости. Решение их позволит спасти массу жизней. В нашем институте профессор Лапчинский провел интересный эксперимент. Ему удалось прижившить ногу от одной собаки — другой, и та прожила с этой чужой ногой семь лет. В успехе эксперимента есть свой секрет: врач добился совместимости организмов двух животных, проделав им целую серию взаимных переливаний крови начиная почти с момента рождения...

Чтобы по достоинству оценить работу этого ведущего института страны, нужно видеть собственными глазами всю боль человеческих страданий, от которых избавляют детей и взрослых в этом большом, кропотливо работающем «городе» медиков.

Любопытство журналиста перерождается здесь невольно под впечатлением всего увиденного в горячую заинтересованность в успехе всех этих работ и исследований, творческих поисков и реальной помощи людям.

Даже самый подробный репортаж не может вобрать в себя все доброе и удивительное, что делается в этих стенах. К огромному моему сожалению, не могу перечислить всех тех сотрудников института, чей ежедневный труд — подвиг. И все же среди них есть такие, на которых равняются остальные и не назвать которых просто не имею права. Это и заслуженный мастер спорта, заслуженный деятель науки, в прошлом чемпионка страны по скоростному бегу на коньках, руководитель отделения спортивной травмы профессор З. С. Миронова. И главный детский травматолог-ортопед города Москвы профессор Г. М. Тер-Егиазаров. И заслуженный деятель науки профессор А. И. Казьмин, осуществляющий лечение тяжелых поражений позвоночника как оперативным путем, так и путем инъекций фермента папаина в пораженный диск. И энтузиаст лечения переломов у людей пожилого и старческого возраста заслуженный деятель науки профессор А. В. Каплан. И изобретатель-хирург руководитель научно-технического отдела профессор К. М. Сиваш, чьи титановые эндопротезы тазобедренного сустава известны во всем мире. И лауреат Государственной премии СССР М. И. Панова, прошедшая в институте путь от медсестры до профессора...

А вообще в ЦИТО — институте коммунистического труда — работают более тысячи трехсот ученых, врачей, медсестер, инженеров, техников...

С огромной признательностью и благодарностью помнят их те, кому они вернули здоровье и радость жизни.

Игротерапия — тоже лечение.

Немало еще предстоит «прокрутить» километров.

Молодые ученые, кандидаты медицинских наук С. В. Вирабов и А. П. Бережной у постели больного.

Лауреат Государственной премии СССР профессор К. М. Сиваш и ведущий инженер института В. С. Бородкин обсуждают конструкцию нового аппарата.

Приятное с полезным... Гимнастика в воде особенно эффективна.

Ночной полет

Владимир КОСТРОВ

АЭРОСТИХИ

Ночной полет — непрочный
материал,
но велико, пилот,
твое искусство.
Ты золотую осень разменял
на серебро предзимнего Якутска.
В высоком небе
на гремящем «ТУ»
ты показал мне,
что такое пропасть,
мной огненную прочертил черту,
да что черту,
ты мною вывел пропись.
Как благодарность
за ночной полет,
в моих глазах сейчас бредут олени
и медленно идет по Лене лед,
и чуть смола вскипает
на полене.
Ты ключ достал,
ты прогремел замком
над облачными вечными стогами.
И...
якутянка с русским пареньком,
как черный кофе с белым
молоком,
растворены в тумане,
как в стакане.
И снег фосфоресцирует во мгле,
блестят гольцы от ледяной полуды,
как мамонты тяжелые,
в земле
лежат еще не тронутые руды.
Я понял,
что прозрачность — благодать,
что домоседство хуже, чем
жеманство.
Прекрасно под сияньем увидать
бескрайней тундры белое
шаманство!
И снова мир широк
и ясен путь.
А если вдруг подернет сердце
мутью,
чтоб азиатской свежести хлебнуть,
ночной пилот, свози меня в Якутию.

●

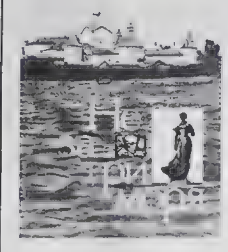
Не только в Шотландии горной —
русской земле доверясь,
от века цветет лиловато
колючий кустарник — вереск.
И клюква,
и толокнянка,
а также ушко медвежье
тянутся в Забайкалье,
стелются в Заонежье.
Если костер окутан
дымом еловым, едким,
надо туда подбросить
вересковую ветку.
И защекочет в легких
радостным и крылатым
нашей Отчизны милой
дымом голубоватым.
И придет пониманье
до головокруженья
с дымом напоминанья
и предостереженья.
Шелест цветов лиловых,
шорох утиных кряков
станут душе дороже
всех заграничных тряпок.
Светлые эти дали,
смутные эти скиты
сердце не променяет
на авеню и стриты.
Недаром, готовя соленья,
перед грибной укладкой
вереском на деревне
шпарят грибные кадки.
Не зря над лиловым цветом
звонко, как новоселы,
как звуки одной октавы,
с рассвета роятся пчелы.
Так будем дышать свободно
радостным и крылатым
нашей Отчизны милой
дымом голубоватым.

●

Смазаны дома, размыты лица,
Не блестит ракетная игла.
Это опустилась на столицу
осени серебряная мгла.
Ею Марьина забита роща,
легкий холод просветляет дух.
Я иду по улице на ощупь,
я ищу в толпе тебя на слух.
Ты ведь вся звучишь, течешь,
как эхо,
в тихой вате низких облаков —
ручеек духов, бубенчик смеха,
ксилофон промерзших каблуков.
И, как будто в день поминовенья,
прошлое опять в моей крови,
над Москвою тень повиновения,
пониманья, грусти и любви.

Эта тьма наполнена свеченьем,
от нее ничто не утаишь,
и нежданно капает сочельник
дробною капелью с теплых крыш.

НЕТЛЕННАЯ КРАСОТА

Велик и неизбывен наш интерес к заповедным островкам Былого, сияющим из глубин веков шатровыми куполами и фресковыми росписями древних храмов, к вдохновенным взлетам кисти и резца поколений безвестных мастеров. Год от года растет наше стремление глубже соприкоснуться с культурным наследием прошлого, припасть к истинным истокам национального искусства, ощутить его самобытность, преемственность традиций.

Для тех, кто вышел или еще только собирается в дорогу на встречу с Прекрасным, которое порой начинается прямо у порога отчего дома, книга Юрия Мелентьева «Не за три моря» станет добрым и надежным спутником.

Понимать и наслаждаться застывшей музыкой камня, изразца, художественного литья дано не всякому. Как и любое серьезное искусство, они требуют определенной подготовки, душевного настроя. Книга Ю. Мелентьева пробуждает эту способность восприятия, учит видеть.

Книга открывается главами, посвященными знаменитому «Золотому кольцу» России, его прошлому и настоящему, его людям, его проблемам. Это путешествие с автором доставит радость и тем, кто ни разу не бывал в Загорске, Ростове, Ярославле, и тем, кто посещал их неоднократно. Ибо ведет читателя не только видный историк и искусствовед, наделенный к тому же даром занимательного рассказчика, но прежде всего человек на редкость любознательный, страстно влюбленный в родную землю и невольно заражающий нас своим непосредственным восхищением нетленной красой творений рук людских.

Выбор автором маршрута первого путешествия глубоко мотивирован. Сам он объясняет его в первых же строках, когда пишет, что «Золотое кольцо» «дает такой толчок для раздумья, для исторического чувства, для понимания неразрывности былого и нынешнего, для того почти физического ощущения связи времен, которого мне никогда не приходилось испытывать прежде».

Как тут не вспомнить великолепное леоновское напутствие: сегодня — это только промежуточное звено между вчера и завтра и все мы — лишь передовой отряд бесчисленных поколений, посмертно взирающих нам вслед. «И кроме налагаемой ответственности,— говорит далее писатель,— какая радость заключена в безотчетном ощущении суровых, немигающих глаз, провожающих тебя в неизвестность будущего!»

Ю. Мелентьев доводит это взволнованное напутствие до читателя всем строем своей книги, утверждающей: не за тремя морями, а на земле нашего необъятного Отечества находятся уникальные сокровища, которые мы, их обладатели, призваны беречь и умножать. Он напоминает, какое неустанное внимание уделялось охране памятников старины и произведений искусства на заре Советской власти и какая огромная планомерная работа проводится в этом отношении сегодня.

На страницах книги рассказывается о деятельности государственного историко-художественного музея-заповедника Троице-Сергиевой лавры и Горицкого монастыря в Переславле-Залесском, о комплексной реставрации архитектурных ансамблей Ростова Великого. Однако, перечисляя примеры бережного и многотрудного восстановления шедевров национального зодчества, горячо поддерживая любовное воссоздание забытых одно время народных промыслов, автор вместе с тем осуждает «бесплодные причитания о всякой исчезающей старине». Его позиция действенна и активна, и старину он приветствует, если опять воспользоваться выражением Л. Леонова, «в раме могучей современности».

Знакомя нас с различными жемчужинами «Золотого кольца», Ю. Мелентьев не упускает случая заглянуть и в «усадьбу русской музы» Абрамцево и в дом Ганшиных в Горках Переславских, где летом 1894 года Владимир Ильич Ленин печатал с товарищами в подпольной типографии свое первое крупное произведение «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

По дороге в Ярославль мы с автором останавливаемся у березовой чудо-рощи в селе Петровском — «памятнике природы», как гласит надпись на придорожном щите, и узнаем от школьного учителя историю спасения этой рощи жителями в годы войны. Рассказ о сегодняшнем дне заповедных уголков русской старины дополняют в книге яркие, выразительные фотографии, которые точно сочетаются с живописными видами древних стен и башен.

Стиль книги отличают свободная манера эссе и откровенная публицистичность, далекие от размеренного описательства. Как специалист, Ю. Мелентьев не закрывает глаза на имеющиеся еще недостатки и упущения нашего музейного дела, высказывает свои соображения по поводу тех или иных принципов подбора экспозиций. Его заботит, в частности, проблема синтеза архитектуры и изобразительных искусств в современном градостроительстве с тщательным учетом богатейшего опыта прошлых веков, в том числе и традиций архитектурной керамики.

Поливным изразцам, истории их появления на Руси, многоцветным изразцовым фризам, клеймам, розеткам церкви Богоявления в Ярославле, глазурованным изразцам на соборе Василия Блаженного и майолико-изразцовым панно Врубеля и Головина на здании гостиницы «Метрополь» в Москве отводится в книге специальная глава.

Круг тем и интересов автора книги весьма широк. А потому «Золотое кольцо» у него расширяется, включая в себя очерки о талантливом украинском скульпторе Галине Кальченко и замечательных грузинских художниках-чеканщиках. Все это для автора — единый, неделимый фонд художественных ценностей, накопленный народами нашей страны.

«Мы ...гордимся тем, что имеем обостренное чувство нового,— пишет в заключение Ю. Мелентьев.— Мы штурмуем космос и строим атомные корабли, возводим новые города... Но не менее мы гордимся тем, что все в большей степени обладаем живым историческим чувством, чувством... ответственности за прошедшее и будущее, ответственности перед поколениями, которые прошли по земле и которые придут нам на смену».

Книга Юрия Мелентьева продиктована велением времени, когда охрана памятников истории и культуры наряду с охраной природы вменяется в обязанность каждому советскому гражданину Основным Законом нашей жизни — Конституцией СССР.

Ю. ОСИПОВ

Мелентьев Ю. С. Не за три моря. М. Молодая гвардия, 1979 г., 287 с.

●

В начале января 1945 года 4-я танковая армия под командованием генерала Лелюшенко находилась на территории Польши.

12 января началась Висло-Одерская операция, в которой участвовал наш 62-й гвардейский тяжелый танковый полк. Я служил старшим механиком-водителем танка «ИС-2».

Утром 15 января мы подошли к городу Кельце. Был дан приказ по рации: «Атаковать с ходу оборону врага».

Фашисты встретили ураганным огнем. Из каждого окна раздавались выстрелы, пулеметы и автоматы строчили с крыш и верхних этажей зданий, под гусеницами танков взрывались мины и гранаты. Мы остановились, приняли боевые порядки, и каждый танк сразу стал «огневой точкой». Некоторые танки заняли первые этажи отдельных домов. Уличные бои длились более двух часов. Вдруг я почувствовал, что мой танк будто подпрыгнул и начал кружиться на месте — это фаустпатрон разбил левую гусеницу. Второй удар пришелся по башне. Мотор заглох, башня заклинилась, свет потух, рация и переговорное устройство замолкли. И тут последовал третий удар. Снаряд пробил правый борт, командир танка был убит. Снаряд лежал в боевом отделении танка и пронзительно шипел, как будто каленое железо упало в воду.

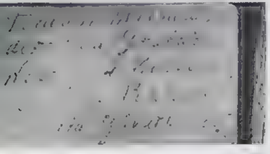
Первым из танка выскочил старшина, младший механик-водитель Костя Соплывый. Вторым вылез командир башни Белов. Он был ранен и скатился вниз. Я только ухватился руками за края люка, как взорвался снаряд. Я сразу потерял опору и повис на руках. Собрав все силы, подтянулся и сел на люк башни. Тут взорвались баки с горючим — танк начал гореть. На мне горела шинель и тлели ватные брюки. Ноги были еще внутри танка, и я почувствовал, что они меня не слушаются. Я увидел: правая нога совсем разбита ниже колена.

Я упал вниз, ударившись о камни мостовой. Из обеих ног брызгала кровь. Тут я вспомнил о резиновом шланге для спуска горючего, который носил всегда в кармане. Вытащил его, разгрыз

ГЕРОИ ЛОРКИ НА СЦЕНЕ «РОМЭН»

Трагедия Федерико Гарсия Лорки «Кровавая свадьба» обрела жизнь на сцене московского цыганского театра «Ромэн».

При той огромной популярности, какою творчество Лорки пользуется у нас в стране, удивляет нежелание (а может быть, боязнь?) театров обращаться к драматургии выдающегося испанского поэта. Конечно, Лорка сложен, но тем ни-

Страничка из блокнота Егорова: адрес, который оставил русскому танкисту польский партизан Тимоша.

Судя по этой записи, фамилия Стефы скорее всего не Дужковская, а Выжиковская.

СТЕФА, Я ЖИВ!

зубами пополам и перетянул ноги выше колен кусками шланга.

Первая мысль — скорее от танка, в котором вот-вот взорвутся снаряды. Недалеко я увидел окоп и пополз к нему. Там лежал раненный в спину Белов.

Бой прекратился. Возле нас горели подбитые танки.

Белов сказал:

— Надо уходить, скоро придут немцы.

Превозмогая боль, я пополз за ним и потерял сознание. Когда пришел в себя, рядом стояли немцы. Меня положили на «пантеру» и куда-то повезли.

Фашисты подобрали восемь раненых советских офицеров. Нас стали допрашивать, а когда ни один из танкистов не вымолвил ни слова, принялись жестоко избивать. В это время в дом зашел немецкий офицер, что-то доложил, и все они поспешно вышли. Спустя минуту нас побросали в грузовики. Мы поняли, что фашисты отступают.

Настала ночь. Машины остановились в каком-то селе. Недалеко от дороги я разглядел домик и калитку в заборе. «Бежать» — с этой мыслью я вывалился из кузова и снова потерял сознание.

Когда очнулся, пополз к калитке. Я пытался хоть чуточку приподняться на руках, чтобы открыть ее, но ничего не получалось, не было сил, в глазах темнело... Один из бежавших мимо фашистов наступил на мою ногу, я вскрикнул, выдав себя. Очнулся снова в грузовике. Рядом лежал товарищ, бредил. «Саратов... Пугачев, Валя, мама»,— твердил он. Потом замолк — умер. Звали его Иван. Фамилия — то ли Жигулин, то ли Жигин. Танкист, гвардии лейтенант. Скончался утром 16 января 1945 года на польской земле...

На рассвете наша авиация стала бомбить головную колонну немцев. Среди фашистов поднялась паника. Нас восьмерых, в том числе четырех умерших, бросили в канаву под мостом.

Оставшиеся были на грани смерти, когда вечером из леса вышли люди с автоматами, одетые в штатское. Это оказались польские партизаны. Они тайно отнесли нас в ближайшее село. Там еще находилась немецкая батарея.

Меня поместили в семье одного из партизан по имени Тимоша. У него была молодая жена Данилия с грудной девочкой. Данилия стала поить меня с ложечки, как ребенка. Еды у них не было, кроме кусочка сухарика, который отдали мне. Данилия выстирала простыню, вдвоем с Тимошей они высушили ее над печкой и разорвали на бинты. Сапоги мои пришлось разрезать. Как ни осторожно они делали это, каждое прикосновение причиняло боль. Тимоша и Данилия залили раны йодом и забинтовали.

Перед рассветом начался бой за село. В доме находились Данилия с грудным ребенком и я. Вдруг хата содрогнулась — в крышу попал снаряд. На меня посыпалась с потолка глина. Данилия, схватив ребенка, выскочила на улицу. Крыша горела, дым все гуще и гуще обволакивал горницу. И тут в окно влез Тимоша. Он вынес меня, положил на солому под навесом.

Наступил день. Меня окружили дети, старики и женщины. Что они говорили, я не понимал. Потом пришли старики, говорящие по-русски, служившие еще в царской армии. От них я узнал, что фашистов выбили из села. И тут надо мной склонилась молодая девушка лет восемнадцати, стройная, красивая. Это была Стефа Дужковская, сестра Данилии. Она стала моим добровольным опекуном. Стефа распорядилась, чтобы меня перенесли в помещение школы. Там было очень холодно. Стефа быстро начала приводить все в порядок. Старики и дети усердно помогали ей, натаскали дров, растопили печь, появились кровать, постель, чайник. Принесли и еду: кусочек хлеба, сухари, сало и бутылку самогона. Очень старались ребятишки. Кто нес кружку, кто ложку. Я видел: и стар и мал старались спасти меня, и это придавало сил и желания бороться за жизнь. Стефа напоила и накормила меня, а вечером, когда все ушли, она осталась. Мы с ней долго разговаривали, она знала русский.

Поздно вечером я заснул, но часто просыпался от сильных болей в ногах. Утром зашел Тимоша и сказал Стефе, что надо отправить меня в ближайший город. Он написал свой адрес в мой блокнот и ушел. Позже я узнал: Тимоша и старики пытались остановить проходящие машины, но это им не удалось. В селе гитлеровцы не оставили ни лошадей, ни коров, так что даже телегу нельзя было взять.

Однажды утром Стефа привела врача и медсестру. Врач — пожилая русская женщина, капитан медслужбы. Медсестра Наташа — молодая блондиночка, разговорчивая — сделала мне уколы. Врач (Наташа обращалась к ней «Макаровна», без имени) осмотрела мои ноги, наложила шины и забинтовала. Макаровна и Наташа сопровождали наши наступающие части и взять меня с собой не могли. Еще через некоторое время Стефа сходила в соседнее село, километрах в 15—16, там находился штаб партизанского отряда, у них было радио, слушали Москву. Командир — русский капитан Петухов — на другой день дал Стефе подводу. Меня уложили в телегу, где уже были перины, одеяла, подушки. Старики, женщины, дети пришли проводить.

Город Пётркув, куда меня привезли, был несколько дней как освобожден от фашистских оккупантов и поэтому празднично сиял знаменами, плакатами, флажками. Люди были в приподнятом настроении.

Нам указали дорогу в госпиталь. Там мне ампутировали обе ноги. Я очень хочу найти Дужковскую Стефу, мою спасительницу. Она родилась в Варшаве. Отец ее был офицером польской армии и погиб при обороне столицы Польши в сентябре 1939 года. Остались они вдвоем с сестрой Данилией. Сестра вышла замуж за Тимошу.

В книге генерала армии Лелюшенко «Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма» говорится, что польская девушка Стефа Дужковская спасла раненого советского лейтенанта Н. П. Егорова из 62-й гвардейской танковой бригады 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта.

Этот лейтенант — я.

Н. ЕГОРОВ

г. Харьков.

тересней, тем достойней работа.

Театру «Ромэн» всегда было свойственно тяготение к драматургии яркой, остроконфликтной, и появление «Кровавой свадьбы» в его репертуаре вполне закономерно. Вспомним «Цыганское романсеро» Лорки, самую цельную, а для автора самую любимую книгу.

Постановщик спектакля Э. Эгадзе во всем стремится следовать духу Лорки, и в этом главная удача спектакля.

Создания поэта порой предельно просты, порой возвышенны. Сделать метафору поэта зримой, органичной — что может быть интереснее для режиссера! Эгадзе это удалось. Когда в финале после смерти героев по рукам дровосеков, сжимающих виноградные гроздья, течет алая кровь, тут же вспоминается фольклорная метафора «Романсеро»: смертные розы — розы крови...

Любовь у Лорки не знает благополучного исхода. Это трагедия. В ней каждый не волен в своих мыслях и чувствах. Но трагедия возвышающая. Поэтому так отличны герои — Невеста, Жених, Леонардо — от прочих персонажей спектакля. Мизансцены строятся вокруг них, внимание обращено к ним; они погружены, кажется, в самую простую обыденность (виноградник на каменистой земле, которую надо возделывать, хлеб, который надо испечь), но их души свободны от обыденности. Трагедия в этом спектакле и рождается от столкновения тусклой повседневности и высоты любви.

Постановщик не спешит к выводам. Лорке чуждо упрощение. Но, призывая зрителя ужаснуться пустыней, в которой осуждена жить Невеста, режиссер напоминает нам: она была свободна — пусть всего минуту, секунду,— значит, счастлива.

В спектакле много интересных актерских работ. Значителен Леонардо в исполнении Н. Крикунова; в нем нет нарочитой усложненности, артист естествен в этой почти условной роли. Нашла свою интонацию и Р. Демент в роли Жены Леонардо.

Спектакль, конечно, не лишен недостатков, может быть, слишком резок для зрителя переход к пантомиме. Не все в нем обоснованно. Но есть живое, прекрасное слово испанского поэта на московской сцене.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Р. Демент и Н. Крикунов в спектакле «Кровавая свадьба».

Фото Ю. Зенковича

ПУСТЫЕ

Нора АДАМЯН

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

С утра опять бились с вакуумом. Была какая-то неисправность в насосе, откачивающем воздух. Недавно взятый в лабораторию молодой инженер Витя Замошкин суетился бестолково.

Марк Иванович, стараясь скрыть свое раздражение, погнал Витю в производственно-технический отдел и сам взялся за насос. Человек высокой технической одаренности, он в таких случаях сам называл себя слоном, вынужденным перетаскивать спички.

— Нет, Колю он нам не заменит,— сказала Марина и, движимая чувством долга, встала рядом с Марком Ивановичем у насоса.

— Коля ваш был хороший лодырь,— сердито отозвался Марк Иванович.

— Но руки у него золотые.

Марина славилась объективностью и справедливостью.

— Руки у него золотые и природное инженерное чутье,— добавила она.

Радиотехник Сева вдруг громко захохотал. Марк Иванович взглянул на него поверх очков, которые надевал, только занимаясь тонкой работой. Он был ненамного старше остальных—тридцатидвухлетний кандидат наук Анютин. Марина числилась младшим научным сотрудником. Еще радиотехник и инженер — это был весь штат лаборатории, которой руководил Анютин.

Об их работе не рекомендовалось громко разговаривать в общественных местах. Хотя один раз их показывали по телевизору, туманно и непонятно поясняя непосвященным возможности разделения изотопов посредством лазерного луча.

Передача состоялась не так давно, и на экране еще действовал Коля. Повинуясь мановению руки Марка Ивановича, он делал вид, что включает и выключает установку, хотя все это была чистая липа. Марину показывали крупным планом — за красоту. И после передачи телестудия переслала ей семь писем с предложением руки и сердца. Муж Марины — самбист, поэт и рыцарь — обклеил этими письмами туалет.

А Коля передачи так и не видел. Она шла по какой-то новой рубрике, Коля что-то перепутал и опоздал к телевизору. Потом он послал две письма якобы от имени зрителей с просьбой повторить интересную программу, но со зрителями не посчитались.

Радиотехник Сева очень похоже изображал, как Николай в белом халате мелькает на экране, осуществляя решающий миг эксперимента. Когда он увидел, что Коля всерьез огорчается, то стал заводить его еще больше, пока не прикрикнул Марк Иванович. А через две недели Коля ушел из лаборатории согласно поданному заранее заявлению. Он проработал здесь шесть лет — со дня окончания института,— и хотя не отличался ни усердием, ни дисциплиной, знал всех мастеров в техническом отделе, умел ладить с людьми, и инженерная мысль у него действительно работала.

Марк Иванович счел нужным поговорить с Колей перед его уходом.

— Хорошо ли вы продумали свое решение?

— Я продумал,— твердо ответил Коля.

Он не сказал, куда переходит, но намекнул на высокий заработок и свободу во времени.

— А в смысле перспективы новая работа вас устраивает?

— Она меня устраивает во всех отношениях.

— Ну, что ж, Коля, мы все желаем вам хорошего и не будем мешать вашему росту...

Вместо Коли в лаборатории появился Витя Замошкин, очень усердный и пока очень бестолковый. Вот и сейчас он бесцельно торчит в техническом отделе, и мастера гоняют его один к другому.

Марк Иванович наладил работу насоса, и настроение у него улучшилось.

— Что ты ржешь, мой конь ретивый? — спросил он Севу.

Тотчас добавил, испугавшись его обидеть:

— Учтите, это стихи.

— Да что там, Марк Иванович! — сказал Сева.— У меня тоже, литературно выражаясь, смех сквозь слезу. Я ведь знаю теперь, где Колька работает...

Сказано было таким тоном, что все молча ждали продолжения.

Но Сева ничего не прояснил:

— Это увидеть надо.

— Как увидеть?

— Марк Иванович, поедем в обед, я покажу. Нужно, чтоб вы сами посмотрели. И Марина тоже. Я-то случайно налетел.

Сева говорил очень серьезно. Они поехали.

Старая московская улица, которой еще не коснулась реконструкция, выходила к одному из вокзалов, и потому движение на ней было оживленное, а киоски и маленькие магазины облепили ее до самой вокзальной площади.

Сева привел Марка Ивановича и Марину к небольшому деревянному сараю, возле которого сгрудились люди, навьюченные мешками, авоськами и корзинами.

— Встанем в сторонке,—распорядился Сева.

Они примостились в конце загибающегося крючка этой бестолковой очереди. Люди, образующие ее, были беспокойны и суетливы. То и дело тянулись вперед, стараясь перетащить свой груз хоть на несколько сантиметров ближе к сараю-киоску.

— Чего он сказал? Чего сказал? — спрашивала пожилая женщина у своего соседа.

— Чего, чего. Не будет больше принимать. Тары, видишь, нету.

— Неужели обратно тащиться? Да попросите вы его!

— Его попросишь! — сказал мужчина.— Хозяин — барин.

— Слушай! — кричали из очереди.— Ты давай прими хоть у первого пятка!

— Что я, на голову себе буду принимать? — отвечал голос из сарая.— Сказано: тары нет.

Марк Иванович встревоженно оглянулся на своих спутников. Сева безмолвно сделал плавный жест рукой — как конферансье, представляющий публике артиста.

В окошечке приемного пункта стеклянной тары, как на маленькой сцене, уверенно действовал бывший сотрудник лаборатории инженер Глазунов.

— Закрывается, граждане! До трех часов, если тару к тому времени подвезут. Куда ты мне свою посуду тычешь? А ну, убери! Эй ты, пропусти бабусю. Старого человека затолкали! Давай свою посуду, бабуля.

— Спасибо тебе, сынок, спасибо...

— Старость уважать надо. Четыре поллитровки, четыре портвейна. Богато живешь, бабуся.

— Зять, прохиндей, пьет.

— Не критикуй, бабуля! Рабочему человеку выпить всегда можно. Получи один рубль тридцать две копейки. А не пил бы зять, где бы ты этот рублик взяла? Закрыто, товарищи-граждане, закрыто!

— По какому праву закрываете? — шумно запротестовала молодая женщина.— Перерыв с двух до трех, а сейчас и часу нету. Я за три квартала с посудой тащилась. Что же вы все молчите? Жалобную книгу требовать надо!

Очередь никак не отозвалась.

— Кто над вами главный? — не унималась женщина.— Вот сейчас мы подписи соберем.

— Раскричалась,— неодобрительно сказал гражданин с мешком, доверху набитым бутылками,— а он потом и вовсе не откроет. Тогда аж на Басманную переть.

— Произвол какой-то! Я из принципа этого дела не оставлю!

— Гражданочка, гражданочка, принципы на пустые бутылки не распространяются. И учтите, от крика образуются морщины. Сколько там у вас посуды? Стоит ли из-за пятнадцати бутылок расстраиваться? Тем более импортные из-под рислинга не принимаем. И ликерные — тоже. Пожалуйста, можете их здесь оставить, это ваше дело.

— А в «Вечерней Москве» отвечали на вопрос читателей, что импортные принимаются! — не унималась женщина.

— Мало ли что пишут в «Вечерке», они вон на сегодня дождь объявили. А где он, дождь?

В очереди угодливо захихикали.

— Итого шесть поллитровок. Получите семьдесят две копейки. Стоило волноваться?

Деревянная створка захлопнулась.

Несколько человек, обремененных бутылками, побрели кто куда, но основной костяк очереди остался незыблемым. Каждый вроде бы стремился переждать другого. Гражданин с большим мешком первый нарушил это оцепенение. Привычно быстро он подобрал оставленные у стенки бутылки из-под рислинга и ликера, взвалил на плечо свой мешок и легкой трусцой забежал за угол киоска, а за ним в молчаливой спешке поволокли свою кладь остальные.

— Не хочу я этой встречи,— брезгливо поморщился Марк Иванович.— Страшный сон! Что его сюда потянуло? Какой здесь может быть оклад?

— Оклад — чепуха,— сказал Сева,— тут другие доходы.

— Что за доходы на копеечных бутылках?

Они подошли к задней стене киоска, к его черному ходу, заставленному потемневшими, разбитыми ящиками. Очередь расположилась у стены и застыла, являя собой воплощенное терпение. Гражданин с мешком покуривал, выстроив в ряд забракованную импортную посуду.

— Да постучите вы ему! — взмолился женский голос.

— Чего зря стучать? Он сам знает.

Широкая дверь растворилась. Коля стоял в проеме, держа в руках маленький черный ящичек с педальками, по форме напоминающий школьный пенал.

— Японский счетчик,— почтительно отметил Сева,— производит все действия на любые числа. Полтораста в комиссионке, да и то не достанешь. Шикарная вещь!

БУТЫЛКИ

Они стояли в конце очереди, стараясь не попадать в поле зрения хозяина ларька.

— Вот народ! — осуждающе сказал Коля.— Ну что я сделаю, если тары нет?

Очередь заголосила:

— Прими по десять, мы согласные.

— Прими, Коля.

— По десять рассчитай.

Коля покрутил головой.

— Еще ломается, сукин сын! — крикнул кто-то из очереди.

Коля сощурил глаза, сплюнул и, повернувшись спиной, захлопнул воротца.

Гражданин с мешком яростно набросился на молодого губастого парня. В праведном гневе он через каждые два слова изрыгал матерную брань.

— Чего разорался!.. Больше всех тебе надо!.. А ну мотай отсюда!..

Очередь его горячо поддержала:

— Нашелся умней всех!

— Оскорблять всякий может. Ты встань на его место, поработай тут!

— Вот и жди теперь через таких дураков...

Кто-то жалобно просил:

— Да постучите вы ему, может, откроет?

Стоящий впереди тихонько надавил на доску и забубнил в образовавшуюся щелочку:

— Коль, а Коль, прими, как отца просим...

Дверь распахнулась. Хозяин стоял нахмуренный. Не глядя ни на кого, бросил:

— По восемь...

На секунду люди ошалело замерли. Коля щелкнул клавишами счетного аппарата, и этот звук побудил людей к действию. Из мешков повытаскивали на свет бутылки и расположили у Колиных ног. Он пощелкивал японским счетчиком, лениво называл цифру и приказывал:

— В тот угол складывай.

Или определял:

— Импортные по пять.

Или распоряжался:

— Мальчик, иди сюда. Что там у тебя? Четыре? — Счетчик послушно щелкнул.— Получай сорок копеек. Да, ему по десять! И не спорьте! Почему, почему... Это же ребенок! Ему, может быть, на тетрадки надо или на мороженое. Дети — это наше светлое будущее.

Очередь согласно и печально вздыхала.

Когда дело дошло до губастого парня, Коля отвернулся.

— Не приму.

— На каком основании? Не допущу... Не позволю...— бушевал губастый.

— Иди, жалуйся куда хочешь. Глазунов моя фамилия. Жалуйся!

К воротам подъехал разболтанный грузовик, из которого проворно соскочили двое мужчин. Отвалив заднюю стенку кузова, они с разработанной быстротой повыхватывали из машины водочные и винные бутылки и установили их на земле рядками — по десять штук.

Гражданин с опустевшим мешком, перекинутым через плечо, и мятыми рублевками в руке благодушно спросил:

— С парка?

— Твое какое дело? — огрызнулся приезжий.

— Чего там... Сам вижу откуда. По восьми Колька дает сегодня.

— Ну вот,— сказал Сева,— тут вам и арифметика и кибернетика. Будем встречаться?

Марина махнула рукой и выразила желание уйти. Но Марк Иванович, которым, несомненно, двигала страсть подлинного ученого — все познать, чтобы все понять,— пересиливая себя, сделал два шага вперед и попал в поле зрения Коли, который в этот миг поднял глаза от своего аппарата.

— Ну, чего остолбенел? — засмеялся Сева.

Надо было прервать Колину затравленность, с которой тот никак не мог справиться.

— Ты десятилитровые баллоны принимаешь? А то у нас в кладовой полный завал.

— Марк Иванович... Марина...— придушенно сказал Коля.— Как это вы здесь появились?..

— Да вот...— Марку Ивановичу очень хотелось сказать, что встреча произошла случайно, но, воспитывая себя в правилах безукоризненной честности в науке, он, помимо воли, перенес эту правдивость в повседневную жизнь.— Да вот пришли посмотреть поприще вашей новой работы.

— А говорил, перспективная! — вставил Сева.

Мужчины, перетаскавшие бутылки, стояли поодаль, понимая, что присутствуют при каких-то чрезвычайных обстоятельствах. Не уясняя себе степени значения этой встречи, они на всякий случай намеренно громко восхваляли Колины качества:

— Он сейчас разочтет. Это мигом.

— Не ошибется. У него всегда точка в точку, и пересчитывать не надо...

— Человек подкованный, чего там говорить...

Очнувшись, Коля быстро вытащил желтый кожаный бумажник, отсчитал рубли, мелочь и сделал резкий жест, словно отринул всех от своего ларька.

Он старался вернуть себе шутливо-нагловатый тон, который не раз выручал его при лабораторных неурядицах: «Мы люди маленькие, мы на вершины науки не стремимся».

Теперь это помочь не могло.

— Ребята,— повторял он растерянно,— ребята...

Откуда-то выскочил парень с авоськой, набитой пустыми бутылками.

— Коль, друг! — радостно завопил он.

— Иди ты!..— с внезапной злобой выругался Коля.

Марк Иванович решительно повернулся и зашагал было прочь, но ушел недалеко, потому что Марина не тронулась с места, а с нею остался и Сева.

— Я вижу, ты здорово навострился,— сказала Марина.

— Мариночка, лапочка, я извиняюсь! Марк Иванович, умоляю, не уходите! Ну, сорвалось по привычке. Я же теперь рабочий человек. Марк Иванович, это отметить надо, встречу нашу. Я прошу...

Не обращая внимания на тех, кто еще теснился возле ларька, он быстро запер свое заведение на большой черный замок, опустил ключ в карман новой замшевой куртки и кинулся к Марку Ивановичу, скрипя на ходу черными кожаными брюками.

— Вы знаете, Коля, я подобных выражений не терплю. Особенно при женщинах.

— Ну, сорвалось, Марк Иванович, сорвалось! Такая работа, без этого здесь нельзя. Вот рядом шашлычная. Посидим тихо, культурно. Коньячку выпьем.

Марк Иванович слабо сопротивлялся, но Марине и Севе явно хотелось посидеть в шашлычной и выпить коньячку.

— Обедать все равно надо,— уговаривал Коля.— В столовой рубленый бифштекс с макаронами ковырять, а здесь я вас таким шашлычком угощу! По особому заказу...

— Люблю шашлык,— мечтательно сказала Марина.

Марк Иванович попытался поддержать честь своей ведомственной столовой, но на его слабый протест: «Столовая у нас вполне, вполне»,— уже никто не реагировал.

Стеклянная коробочка шашлычной приняла четверых посетителей — трех гостей и хозяина.

Коля вошел уверенным шагом, выбрал столик, официанту велел сменить скатерть, негромко отдал еще какие-то указания и добавил:

— Коньяк армянский. Марочный. «Двин» или «Наири».

— Ну, ты даешь! — восхитился Сева.

— Ребята,— проникновенно, со слезой в голосе, сказал Коля,— если бы вы знали, как я мечтал об этой минуте! Чтоб посидеть с вами за столом, как бывало. Я предлагаю первую рюмку за нашу лабораторию... За ваши успехи...

Выпили.

— Как уволился, так и пропал,— начал укорять Сева.— Хоть бы по телефону позвонил...

— Сева, друг, знаешь, какие-то предрассудки мешали. Врать не хотел, а что скажешь? Марк Иванович, дайте я вам налью... Работа есть работа. Так ведь? И уж если ты деловой человек, то тебе почет... Вы попробуйте, какой здесь шашлык, лучше, чем в «Арагви»! Верьте слову!

— Ну, хорошо, Коля.— Марк Иванович потер щеки. Он пил редко, и хмель красными пятнами загорелся у него на лице.— Вот вы ушли из лаборатории, где каждый по мере сил причастен к некоторым научным процессам. Это, как я считаю, стимулирует, подвигает...

— Вдохновляет,— подсказала Марина.

— Это слово не из моего лексикона, но в данном случае я готов и его принять. Когда вы, Коля, уходили от нас, я так понял, что вам предложено нечто более перспективное и творчески интересное. Но сейчас я ничего не понимаю.

— Марк Иванович, сегодня мы с вами на равных. Вы не начальник, я не подчиненный. Выпьем еще по рюмочке, и я выскажусь. Конечно, вы, возможно, науку двигаете. У вас и звание и степень. А я кто был? Мальчик на побегушках? Фланцы сварить, трубки спаять, производственный отдел поторопить. Сбегай туда, поди сюда. Вот и вся моя работа за сто тридцать рэ. Что меня могло вдохновлять?

— Кто вам мешал вникнуть в основные процессы? Все от вас целиком зависело!

— Нет, простите! Когда я один раз заинтересовался вашими редкоземельными элементами, что вы мне ответили? Я помню!

— И я помню. Я потребовал, чтобы тот участок работы, за который вы отвечаете, был абсолютно обеспечен. После чего ваш интерес мог распространиться на дальнейшее.

— Ну да. Смысл был такой, что всяк сверчок знай свой шесток. Вы боги, а мы инженеры.

— Коля,— сказала Марина примирительно,— мы сюда пришли не счеты сводить. И не было между нами счетов никаких. Мы всегда дружно работали.

— Мариночка, красавица, не сердись — ты подопытный кролик! В том смысле, что тебя натаскивают на диссертацию. Не обижайся, но ты нужна лаборатории для галочки.

Марк Иванович поднялся, но Коля ухватил его за плечи и пригнул к стулу.

— Марк Иванович, я считаю вас человеком с большой буквы. И я хочу, чтоб вы меня поняли. Раньше я был ноль! Теперь могу сам себя уважать! Вы думаете, как меня сюда принимали? Я должен был диплом предъявить о высшем образовании! Здесь ведь тоже не так просто! Здесь образование ценят!

— А для чего вам здесь инженерные знания?

— Ого как нужны! Я, если хотите, представитель новой формации. Рабочий человек с высшим образованием.

— Какой ты рабочий человек! — загоготал Сева.

— А кто я?

— Обслуживающий персонал, вот ты кто!

— Дурак, я здесь тяжестей за день перетаскаю побольше любого грузчика. Чисто физический труд. Это с одной стороны. А с другой — мозговая деятельность, весь день считай, считай... Марк Иванович, не лезьте за своими деньгами! Все уплачено. Это теперь для меня ничего не составляет...

— И все-таки я чего-то недопонимаю. На чем зиждется ваше благополучие и каково его соотношение с нашим правопорядком?

Учитывая соседей за ближайшими столиками, Марк Иванович старался изъясняться эзоповским языком.

Коля небрежно махнул рукой.

— Не беспокойтесь, Марк Иванович, дело чистое. Никакой обехээс не придерется. Я население не обижаю. Так, разве только иной раз округлишь сумму, конечно, в свою пользу. Кто эти копейки считает? А главные мои поставщики — мусорщики и алкаши, что по паркам да по стадионам посуду собирают. Им эта бутылка ничего не стоит, а выпить нужно. Они ее по дешевке отдают.

— И складывается? — спросила Марина.

— Будь спокойна! Есть, конечно, и расходы. Шоферам, что тару подвозят, еще кое-кому, без этого нельзя. Но не жалуюсь. Мне в вашем НИИ столько и не снилось. Ну, еще по одной — на прощанье! Вот пойдете вы отсюда и будете меня осуждать. А я не жалею. Вы осуждайте, это ваше право, но помните: я доволен! Мне теперь номерок вешать не надо, и отпрашиваться с работы на полчаса не у кого, и копейки на ежедневные расходы считать не приходится. А вашими редкоземельными я не очень-то интересуюсь...

Они поймали такси у самой шашлычной. Коля сел с Мариной и Севой на заднее сиденье, уступив место рядом с водителем Марку Ивановичу. Коля не помешал своему бывшему руководителю заплатить за проезд один рубль восемьдесят копеек — на десять копеек больше положенного,— после чего, перегнувшись через переднее кресло, вручил шоферу пять рублей.

— Помни, кого вез! Светило науки профессора Анютина и его учеников! Одного, правда, бывшего, но все равно подающего надежды...

Шофер покосился на Марка Ивановича, но деньги взял.

— Ну, пижон! — сказал Сева вслед уходящему Коле.

И тут же извиняюще добавил:

— Правда, поддавши он. Трезвый так не сделает.

* *
*

Новую машину купить не удалось. Директор пищеторга сперва обещал помочь, потом стал тянуть и наконец сказал:

— Машина — это тебе не десять кило воблы устроить...

И Коля понял, что тут ничего не получится. Он поехал на автомобильный рынок, расположенный на площади у высоченного автоцентра, где в просторном зале на постаментах стояли недоступные новенькие «Жигули» последних выпусков цвета горчицы, цвета рябины и цвета эмалированной голубой кастрюли, с табличкой, обозначающей цену, а на полках были расположены детали к ним — любые, кроме тех, которые в данную минуту были тебе нужны.

Но Коля в магазин заскочил только мимоходом. Тут ему делать было нечего. На площади стояли сотни машин и среди них одна — его будущая собственность. Коля не взял с собой никаких советчиков. Советчики всегда сбивают с толку. Он отлично знал, что даже новая машина — это лотерея. Никто не может знать, как она себя поведет. А старая, побывавшая в чьем-то владении,— это уже загадка скорее психологическая. Разгадай, почему человек ее продает?

Так он ходил, присматриваясь к разноцветным, как пасхальные яйца, машинам. Одна из них пленила его зеленой свежестью и ухоженностью. Коля проехал на ней три круга по специальной площадке, и все время ему казалось, что мотор вроде бы постукивает.

— Чего это она у тебя стучит?

— Где стучит? Где стучит? — с такой страстью заорал хозяин, что Коля понял: знает он отлично!

Повернулся и ушел молча.

Полдня он провел на этом рынке, пока сторговал светло-серенькую машину выпуска семьдесят третьего года. Машина прошла сорок тысяч, но, видимо, стояла на улице. У нее как следует проржавели крылья и днище.

Продавала машину пожилая женщина. С ней был высокий молчаливый парень.

Женщина оказалась упрямая и подозрительная. Она желала получить за машину пять тысяч, во сколько бы ее ни оценили в «комиссионке». Кроме того, она хотела отдать свою машину в «хорошие руки».

Эти «хорошие руки» вконец дозлили Колю.

— Вы что, щенка, что ли, продаете? — рассердился он.— Уж если так жалеете, сами бы за ней получше смотрели! Вон даже багажник у вас проржавел...

— Потому и продаем, что гаража нет,— обиженно сказала женщина.

Молодой человек пихнул ее локтем в бок — предостерегал. А чего там предостерегать — и так видно, что стояла машина и под дождем и под снегом...

— Если не врать, то и запоминать ничего не надо,— назидательно сказал Коля.

Но ржавчина — это дело поправимое. Ошкурить, залить где надо, крылья переменить и покрасить, днище — антикоррозийным покрытием оснастить. Она у него как игрушка будет! Главное — мотор неизношенный.

— А кто комиссионный сбор будет платить? — спросил Коля.

— Я ничего не знаю! Я должна получить на руки пять тысяч,— как заведенная, твердила женщина.

Коля отвел парня в сторону, чтобы поговорить как мужчина с мужчиной. Тот развел руками:

— Машина не моя, говорите с хозяйкой.

А тут еще напористый кавказец откуда-то взялся. Все время выжидательно терся возле машины и подмигивал владелице. Так что Коля разом решился.

Отвели машину на пятачок и томительно долго ждали оценщика — безразлично-деловитого парня с лампочкой на длинном шнуре. Он сверил номера, в минуту определил изношенность — пятнадцать процентов,— и опять пришлось сидеть на скамеечке у дверей, откуда выкликали хозяев машины и покупателей — для оформления.

Рядом с Колей сидел толстый мужчина в расшитой тюбетейке. В руках у него болтался тугой узелок из ситцевого платка — белого в черную крапинку, каким в деревнях повязывают голову старухи. В платке были деньги на машину. Они даже торчали из одного уголка. Это Колю развеселило. Свои деньги он заранее приготовил в крупных купюрах, чтобы быстрее было считать.

Расставался он с ними легко, не жалея. Женщина-кассир с усталым лицом придвинула к себе пачки и привычно быстрыми пальцами, едва касаясь уголков купюр, перелистала их одну за другой, изредка поднимая на Колю невидящие глаза.

Потом они перешли в отдел окончательного оформления, где Коля передал взволнованной до потрясения женщине пятьсот рублей, недостающие по оценке до требуемых пяти тысяч.

Сто из них она отдала парню, который помогал ей продавать машину. Парень тут же исчез.

На этом завершительном этапе покупатели и продавцы попадали во власть трех современных девушек, сидящих за счетными пюпитрами. Две из них вели потаенный разговор с лохматым парнем, который перегнулся к ним через барьер, а третья подкрашивала ресницы и, закончив эту ювелирную работу, сообщила, что идет обедать.

Истомленные ожиданием люди толпились у барьера, вытягивая головы, чтобы увидеть свою фамилию на стопках бумаг, лежащих перед девушками. Время от времени, отвлекаясь от разговора и еще не перестав улыбаться чему-то своему, девушки покрикивали:

— Отойдите сейчас же от барьера! Дайте спокойно работать! Когда надо, вас вызовут!

— Это нестерпимо! — громко сказал высокий седой военный.— Какое время обедать? Я второй час здесь околачиваюсь!

Девушка за барьером гордо выпрямилась.

— По-вашему выходит, я не человек? Мне и поесть не надо?

— Надо, но не в рабочее время.

— А вы мне не указывайте, в какое время мне обедать. Нечего было торговать своей машиной на базаре. Сдали бы в комиссионный — не ждали бы.

— Как вы смеете со мной так разговаривать! — разъярился военный.

Девчонки тут же дружно и возмущенно залопотали:

— Мешают работать, мешают работать...

Коле вся эта ситуация была хорошо знакома. Его напарница неподвижно сидела на скамейке и от духоты раскрывала рот, как засыпающий карп. Никакой надежды, что она сможет подвинуть дело, не было. «Так тут до вечера проторчишь»,— подумал Коля. Денег у него почти не осталось. Еще утром он был богачом, а сейчас в кармане телепались две трешки и немного мелочи. Но он спустился на улицу к кондитерскому киоску, взял две плитки шоколада по рубль тридцать каждая и вернулся в зал. Одна красавица неторопливо постукивала по клавишам своего аппарата, другая продолжала болтать с парнем, перебирая, не глядя, стопку автомобильных документов, оформления которых вожделенно ждали продавцы и новые владельцы.

Коля подошел к барьеру деловым шагом, оттеснил лохматого, небрежно бросив: «Извини, друг»,— и, вытащив из кармана куртки завернутый в чистую бумагу шоколад, протянул его девушке:

— Это вам просили передать от потомка великого русского композитора Глазунова.

На мелком девичьем лице задрожали интерес и недоверие:

— Какого, какого композитора?

— Глазунова.

— Не было такого композитора...

— Ну-у! — с превосходством сказал Коля.— А балет «Раймонда»?

Девушка захихикала и опустила пакетик в ящик своего стола, а Коля отошел, чтобы не привлекать излишнего внимания людей, ждущих своей очереди.

— Глазунов, Надейкина! — вызвали их через три минуты.

Еще через десять минут Коля подошел к своей машине и хлопнул ее по багажнику, как всадник по крупу лошади.

— Жидковато делают. Консервная банка.

Женщина, продавшая машину, заплакала.

— Что это вы так расстраиваетесь,— сказал Коля.— Смотрите, а то обратно отдам. Я слез не люблю, да и примета плохая.

— Что вы, что вы! Владейте на здоровье,— заторопилась женщина. И пошла к остановке троллейбуса, пробираясь между рядами машин. Надо бы ее подбросить хоть до метро, но Коле не терпелось остаться один на один со своей собственной машиной...

* *
*

Настроение в лаборатории было неважное. Очередной эксперимент не дал желаемого результата.

— Разделяли — веселились, подсчитали — прослезились,— сказал Сева.— Коварная бестия этот лазер.

— Не надо таких заявлений,— сухо оборвал его Марк Иванович.— Я убежден, что не было желаемой чистоты.

Витя насторожился.

— Вакуум был, Марк Иванович! Ручаюсь!

— Не знаю, не знаю. Я сам должен все проверить.

— Завтра начнем все заново,— сказала Марина.

Марину неудачи не обескураживали. Она всегда готова была начать сызнова скучную подготовительную работу по эксперименту, и в этом заключался залог ее будущих научных

успехов, как предсказывал Марк Иванович. Марина, конечно, немного играла, безмятежно улыбаясь, когда всем в пору было бить посуду.

Рабочий день кончился, а они не расходились, хотя вся лаборатория, и установка для эксперимента, и рабочие столы опостылели всем до крайности. И разбираться в причинах неудачи надо было на свежую голову...

А у ворот института их уже около часа ждал Коля на своей машине. Отмытая, отполированная, она блестела и радовала глаз. На сиденье водителя была накинута баранья шкура, вся в длинных завитках. На остальных сиденьях пестрели чехлы из яркого клетчатого пледа. Перед смотровым стеклом болталась на ниточке заграничная голенькая куколка.

Ожидание Колю не тяготило. Он снова и снова представлял себе, как бесшумно подкатит к проходной, как заахает Сева, в восторге поднимет руки Марина, и только реакция Марка Ивановича была еще не ясна. Марк Иванович может и не увидеть все достоинства машины. Ему нужно как-нибудь деликатно на них указать. Тогда и он осознает и оценит.

Ему с тремя ребятишками и неработающей женой вряд ли когда-нибудь доведется сесть за руль собственной машины. Если даже и докторскую защитит, он себе такой цели не поставит. У Марины, возможно, машина будет. Ее муж приобретает вес в спорте — съездит раза два за кордон, станет чемпионом. Спортсменам многое доступно. Но ведь когда что будет, а Коля вот сейчас удивит их, бывших сослуживцев, и докажет, что все в жизни зависит от самого человека...

Он подкатил к тротуару, как задумал,— плавно и беззвучно. Анютин даже вздрогнул от неожиданности, когда Коля прямо перед ним распахнул дверцу.

— Марк Иванович, прошу!

— Неужели твоя?! — ахнул Сева точь-в-точь так, как представлялось.— Ну, старик, ты силен!

Сева обскакал машину кругом и постукал ногой по каждому колесу.

— Поздравляю, поздравляю,— пропела Марина.— И цвет серенький, мой любимый...

— Вот вам и пустые бутылочки! — Сева глядел на машину с восторгом.

— Поздравляю вас, Коля,— как-то отрешенно проговорил Марк Иванович.

— А этот товарищ на моем месте, что ли?

— Это Виктор, наш инженер,— представила Марина.

Витя Замошкин Колю не знал и на машину не реагировал. Он опять завел свое:

— Марк Иванович, я знаю, вы меня вините, но я вам ответственно говорю, что по моей линии был полный порядок.

— Знакомая ситуация! Вакуум — основа эксперимента! Так, что ли? Эх ты, бедолага, иди под мое начало. Через полгода моторную лодочку гарантирую, через два года — колеса!

— Я вас, Витя, ни в чем не обвиняю. Завтра с утра мы во всем разберемся. Думаю, что абсолютно чистый элемент на уровне нашей техники получить пока невозможно.

— А я считаю, дело в установке,— упрямо сказала Марина.

— Марк Иванович, прошу рядом со мной. Мариночка, Сева, Виктор, располагайтесь поудобнее. Всех развезу.

Машина легко подалась вперед.

— Очень приемистая,— сказал Коля,— послушная, как любящая женщина.

Но настырный Виктор не давал никому слова сказать:

— Я на этот раз до конца выложился. Если хотите знать, я весь ПТО на ноги поставил...

— Вполне допускаю, что ошибка в моих расчетах,— сухо сказал Марк Иванович.

Коля сделал лихой, красивый поворот.

— Все-таки научились мы машины делать! Тормоза чуткие, как живые. И сиденья удобные. На большое расстояние ехать — усталости не почувствуешь. Все продумано!

— Я несправедливости не переношу,— бубнил на заднем сиденье Виктор.— Если нет доверия, я могу уйти. Не потому, что я материалист, а потому, что мне обидно.

— Куда это ты собираешься уходить? — озлясь, спросил Коля.

— Вы же предлагаете к вам перейти...

— Черта с два у нас тебя возьмут!

Колю понесло раздражение против них всех с их установками, изотопами и прочей хореографией.

— На это место просто так не попадешь! Это тебе не вакуум!

— Остановите, пожалуйста, у метро,— сказал обиженный Виктор.— А вам, Марк Иванович, я завтра докажу...

— По-моему, я его ничем не обидел,— стал оправдываться Анютин, как только Виктор вышел из машины.

Коля не трогался с места. Он ждал, чтобы ему сказали хотя бы, кого в первую очередь отвозить, куда ехать. Не так он себе представлял эту встречу. Хорошо, хоть Марина наконец догадалась:

— Сперва Марка Ивановича, это и мне по дороге. Я у троллейбусной остановки сойду...

Как хотят. Пусть едут на метро, на автобусе. Пусть завтра снова начинают возиться со своей установкой, варить фланцы, делить изотопы. Пусть защищают диссертации, получают зарплату и осуществляют связь с производством.

Коле все это до лампочки.

Сева пересел на освободившееся место Марка Ивановича и трещал без умолку:

— Слушай, ты же теперь на одних билетах сколько сэкономишь! Сел и поехал. Хочешь на юг, хочешь в Прибалтику. Она же почти новая, да? Сорок тысяч для такой машины пустяки. И зажигалка есть? Красота! А сиденья раскладываются? Слушай, а оранжевый цвет не лучше? Говорят, самый безопасный в смысле аварии. Ее можно в оранжевый цвет выкрасить. А, старик? Вот здорово будет!

Коля остановил машину у метро.

— Слезай.

— Сам же обещал до дома,— обиделся Сева.

— На метро доедешь. За пять копеек.

— Псих,— сказал Сева.— Я, что ли, виноват, что ты из лаборатории ушел...

— Дурак! — крикнул вслед ему Коля.

Но когда легкая фигурка Севы влилась в круговорот людей у метро, Коле показалось, что он упускает самое основное, самое значительное в своей жизни.

Его охватила неожиданная тоска. Он бросил свою машину на месте, где ей вовсе не положено было стоять, и кинулся за Севой, будто именно от того, догонит он его или нет, зависела вся Колина дальнейшая судьба.

А схватив его за локоть у самой лестницы, не мог ничего придумать и злился на самого себя за то, что голос у него стал просительным и жалким:

— Сев, а Сев, ты же видишь, я живу, как бог, мне ваши дела до лампочки... Но ты все же на случай узнай, если я захочу вернуться, примут они меня или нет...

МНОГОЕ ЗАВИСИТ ОТ ПОГОДЫ

Виктор
СМИРНОВ

●

Многое зависит от погоды.
Если дождь на улице, туман,
То на плечи тяжко давят годы,
Мнится: что ни слово—то обман.
Многое зависит от погоды.
Если солнце светит на дворе —
Сразу забываются невзгоды.
И мечтает сердце о добре.
Мы растем под крылышком природы,
Как она, страдая и любя.
Многое зависит от погоды.
И чуть-чуть — от самого тебя.

ДЕРЕВЕНСКАЯ КРАСАВИЦА

Нет, не бровью, изогнутой криво,
Не прической, что схожа с копной,—
Ты по-русски, по-сельски красива,
Я сказал бы: родной красотой.

Что-то есть от уверенной птицы
С легким телом и крепким крылом.
Что-то есть от созревшей пшеницы
В этом летнем загаре твоем.

Сердце чье-нибудь радостно зябнет,
С августовской жарой не в ладу,
Возле двух удивительных яблонь
В охраняемом строго саду.

Ляжешь спать у окна ночью поздней —
Провода осторожно гудят.
На тебя деревенские звезды
С доброй завистью с неба глядят.

Клен раскидистый не шелохнется,
Тоже думая о тебе.
За березовой рощею солнце
Ждет, пока ты проснешься в избе.

Ходят следом печальные хлопцы,
Понапрасну ботинки губя.
Едут шумной толпой стихотворцы
Из Смоленска, чтоб славить тебя.

Я и сам бы не прочь поклониться
Распрекрасной, хотя и не льстец...
И паришь ты свободно, как птица.
И пока не нашелся ловец.

●

Твоей улыбкою привечен,
Я грустно опускаю взгляд.
Как щедро омывает плечи
Волос веселый водопад!
Ты даришь поцелуй дочерний.
А я — как лодка на мели.
С какой-то нежностью вечерней
Звучат в тиши слова мои.
А звезды позднего июня
Прорезывают синеву.
Быть может, не тебя, а юность,
Давно ушедшую, зову?
Ползет по росным травам вечер.
А на бугре желтеет рожь.
И нет конца короткой встрече
Там, где Хмара впадает в Сож...

ЛЬДИНА

Темнея, снег прощается с полями.
И, радуясь, что кончилась пурга,
Хмара своими дерзкими плечами
Раздвинула былые берега.
Она, шумя, заполнила лощины.
Стою, дивуясь чуду красоты.
И с грохотом ворочаются льдины,
Легко ломая хилые кусты.
Громадны льдины. Им, наверно, тесно.
«Сюда плывите!» — громко закричу.
И вдруг, как в давнем деревенском детстве,
На льдине прокатиться захочу.
Какую выбрать? Выберу вот эту,
Что движется ко мне издалека.
И, будто бы волшебную карету,
Ее мне быстро подает река.

Но, словно дерзкую мечту от сердца,
Я оттолкну от берега ее.
А чье-нибудь отчаянное детство,
Не зная страха, повторит мое.

●

Сам знаю, что в природе случай редкий,
Но видеть мне пришлось в селе своем,
Как раннею весной снегирь на ветке
Встречается с вернувшимся скворцом.
Уставятся невольно друг на друга,
В глазах сверкнет непониманья зло:
Ведь одного, как мать, качала вьюга,
Другого солнце в край родной несло.
Хоть оба и верны сторонке здешней,
Но вместе им не удается петь.
И вот скворец летит в свою скворешню,
Чтоб снег последний освистать успеть.
Попутным ветром снегиря уносит
Туда, где он уют себе найдет.
Свиданье им опять устроит осень.
Но только будет все — наоборот.

Спáла тумана завеса
В чаще березняка.
Поляна, как выдох леса,
Солнечна и глубока.
Через недельку зайди-ка —
Ты не узнаешь ее:
Скажет в траве земляника
Красное слово свое!
Ну, а еще через месяц,
Вроде ребячьей гурьбы,
В небо далекое метясь,
Вырастут густо грибы.
Сердце от счастья пьяно,
Встретив лесную зарю...
Мысленно эту поляну
Дочке своей дарю.
Чтобы она не узкой
Росла на земле отца.
Чтобы щедра по-русски
Была во всем до конца!
...В самом начале лета
На деревенский луг
Я выхожу из леса,
Светлый, как солнца луч.

Смоленск.

СТРИЖИ НАД РОЖЬЮ

Алексей **МИШИН**

РОЖЬ

Едва войду в густую рожь —
Восторг захватит дух.
Она тиха, как речка Сож,
И ласкова, как друг.
Над полем носятся стрижи,
И колос бьет поклон.
А стебли рыжей спелой ржи
Гудят, как связь времен.
Менялись троны и цари,
Менялись, ну и что ж?
Но нивы так же все цвели
И колосилась рожь.
О хлеб румяный, заварной!
Мой праздник, мой кумир!
Все той же корочкой ржаной
Похрустывает мир.
О колосковая орда,
Звени, сверли висок.
Немало вложено труда
В любой твой колосок!
Ударит в бубен теплый дождь —
Сон свалит под поветь.
Но под щекой моею рожь
Не перестанет петь.

НА РЕКЕ

То в глаза глядят букашки,
А то — лилии-цветы.
Нелюбимого рубашку
У моста полощешь ты.
На руке горит колечко,
Необдуманности след.
Струи вьются по дощечке,
Словно слезы прошлых лет.
Ты ему сказать не в силах,
День за днем уходит прочь.
Вас, упрямых и немилых,
Только связывает дочь.
Под мостком рябит водица.
Взмах руки твоей ловлю:
Это бьет крылами птица,
А не пральник по белью.

●

Полустанок.
Вишни.
Грядки.
Стук колес далекий.
У посадочной площадки
Парень одинокий.
Поезд прибыл,
Из окошка
Девушка махнула,
Золотистая сережка
У щеки сверкнула.
Пробежав
В конец состава,
Он ей подал руку...
И на свете меньше стало
На одну разлуку.

●

Любовь обманчива весною,
Как льды весною на реке.
Они трещали подо мною,
От глаз сторонних вдалеке.
Я мало знал о тех глубинах,
О том подледном топком дне.
Не раз тонул в глазах любимых,
Как в скрытой черной полынье.
Теперь отмечен я укором.
Пускай любовь меня зовет —
Ей молодым, веселым взором
Не заманить на хрупкий лед.

●

Люблю кукушку
Слушать на опушке,
Где шум шмеля
И трав зеленый блеск.
А вдруг однажды
Голос той кукушки
Мне заслонит
Многоязыкий лес.
Я быть могу
Веселым и горячим,
Во мне живут
Обида и испуг.
Не дай же бог,
Со зреньем быть незрячим
Или глухим,
Не потерявши слух.

Смоленск.

К. Брюллов. ПОРТРЕТ А. Н. ДЕМИДОВА

К. Брюллов. ОДАЛИСКА.

Коммунальная галерея нового искусства. Милан

ДИРЕКТОР

18 февраля исполняется 32-я годовщина Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

Примером плодотворных деловых отношений между двумя странами могут служить связи венгерской фармакологии с советским здравоохранением. В Советском Союзе хорошо знают лекарства с маркой крупнейшего венгерского предприятия «Гедеон Рихтер». Уже более двадцати лет его возглавляет Эдит Варга, о которой рассказывает этот очерк.

Надежда
КОЖЕВНИКОВА

— Ее возраст? Ну, выглядит она так же, как двадцать лет назад. Нет, даже лучше. Одеваться, скажем, стала с большим вкусом, тщательнее следить за собой и в общении с людьми теперь гибче, контактнее. Она чувствует время,— сказала о директоре Юдит Йонаш, старший научный сотрудник завода.

...У Эдит Варги пышные темные волосы. Высока, сухощава, с широкой костью. Улыбается любезно, сдержанно.

Когда она вышла из своего кабинета в приемную и наша беседа началась, пульс времени как бы стал ощутимей. И каждая минута показалась дорога. Нет, Эдит Варга не спешила, не торопилась: спокойно слушала, спокойно отвечала. Но присутствующие могли не сомневаться: дольше, чем отпущено на эту беседу, Эдит Варга здесь не задержится. Она-то все успеет, но попробуйте успеть и вы.

— Как складывается мой день? — Она переспросила.— В пять тридцать встаю. С семи утра на заводе.— Подумала.— Ну, словом, обычный день директора.

...На «Гедеон Рихтер» Эдит Варга пришла в 1957 году. Это было время подъема венгерской промышленности. Старейший завод Венгрии, с традициями, историей, легендами, в годы войны понес тяжелые потери, и многое пришлось заново начинать. Пятидесятые годы стали вторым его рождением. И сейчас уже можно сказать, что имя директора Эдит Варги вписалось в летопись завода в ряд с именем его основоположника венгерского фармацевта Гедеона Рихтера. Характер Варги совпал с атмосферой, традициями завода, создавшимися при его основателе. Начинания аптекаря Рихтера с первых шагов отличались особой восприимчивостью к новому, интересом к широкой исследовательской работе.

В беседах об Эдит Варге с сотрудниками завода, с представителями внешнеторговой организации Медимпэкс можно было убедиться в единодушии мнений: да, тут полное соответствие человека и дела.

— Как-то мне пожаловалась одна из сотрудниц,— сказала Ютка Йонаш,— что Эдит, войдя в обеденный перерыв в столовую, прошла мимо, не ответив на приветствие. Это вполне могло случиться. Но я постаралась объяснить, что обижаться на Эдит не стоит. Подобная невнимательность от поглощенности, одержимости делом, а не потому, что она груба, небрежна к людям. Напротив...

— Она выслушает мнения всех, но решать будет самостоятельно,— сказал об Эдит представитель Медимпэкса.

— Она не любит панибратства, и это позиция руководителя,— высказался другой коллега.

— Конечно, когда завод так разросся, со всеми работающими там людьми Эдит Варга не может быть лично знакома. Но она реально знает тех, кем руководит.

У нее два диплома, химика и экономиста. Овладев и той и другой профессией, она обрела тот широкий обзор, который и необходим для крупного руководителя. Со мной она говорила по-русски. Многие слышали ее доклады, выступления на английском, на немецком языках...

— Если что-то нужно для завода, она использует все возможности, все связи, вплоть до самого высокого уровня.

...Ее появление в приемной показалось мне неожиданным, хотя случилось в точно назначенное время.

Эдит Варга села за необъятный, зеркально-полированный стол чуть боком, сцепила руки с коротко остриженными ногтями. Выпрямилась... Черный джемпер с выпущенным поверх воротником пестрой кофточки, прямая узкая юбка — обличье современной деловой женщины, не желающей выделяться. Короткая стрижка, лицо без тени косметики. И все же Эдит Варга, что называется, производила впечатление. Прежде всего, быть может, полным отсутствием внутренней суеты. Она казалась на удивление молодой, а ведь я знала, что шестьдесят ей уже исполнилось.

Может, действительно верно, что пока человек спрашивает с себя как с молодого, без всяких скидок живет и одержимо предан делу, старость не смеет к нему подступить?

— Не в ущерб ли женскому естеству поглощенность одной работой?

Эдит Варга, показалось, вопроса не поняла.

— Мои сыновья теперь взрослые,— спокойно сказала она,— но когда я была им нужна, я всегда оказывалась рядом.— Подумала и решила продолжить:

— Это не трудно—разные обязанности совмещать. Если надо, можно найти время. И сил в человеке куда больше, чем он подозревает сам. Я работаю, но не обделяю вниманием близких. Да и как такое может быть? Есть дело, есть дом, семья, дети — и нельзя чего-либо себя лишать. Все должно быть у человека.

Эдит Варгу как руководителя, занятого не «чистой», что называется, наукой, а административной работой, отличает, позволю себе сказать, пылкий интерес к открытиям в науке, к самой природе творчества.

— Мы считаем,—говорит она,— что быстрое развитие завода связано прежде всего с подъемом научной работы, цель которой — создание нового препарата. Мы покупаем лицензии, воспроизводим и зарубежные лекарства. В конечном итоге главная наша задача — помочь больным. Необходимо сочетание поиска нового оригинального лекарственного средства и освоение, то есть выпуск того, что уже есть в мире. Тенденция сейчас такова, что затраты, материальные и временные, связанные с рождением нового препарата, растут все больше.

Путь лекарственного препарата до аптечного прилавка напоминает странствия Одиссея. Издержки этого «путешествия» — от 20 до 60 миллионов форинтов. В среднем. Бывает дороже, дешевле — нет,— продолжает Эдит Варга.— Взглянем на этот «маршрут» приближенно. Ежегодно химики синтезируют 400—500 соединений, из которых после первичного отбора остается один-два десятка. Затем поиск аналогов на мировом рынке, проверка конкурентоспособности. И тогда соединений остается четыре-пять. Если все идет хорошо, на этот этап уходит два-три года. И вот надо решать: либо выбрасывать препарат, либо назвать его лекарственным средством и запатентовать. Известны уже основные положительные его свойства, относительная токсичность, широта терапевтического действия, примерный процесс производства и стоимость. Некогда такие сведения могли показаться достаточными для регистрации препарата. Но сегодня!..

Вот пример: в 1938 году документация при регистрации лекарственного препарата составляла несколько сот страниц; в 1948 году — несколько тысяч; нынче в среднем — семь тысяч страниц. А недавнее оригинальное болеутоляющее средство вышло в свет с документацией весом около двенадцати килограммов!

И каждая страница в этих томах, ох, дорого обошлась!

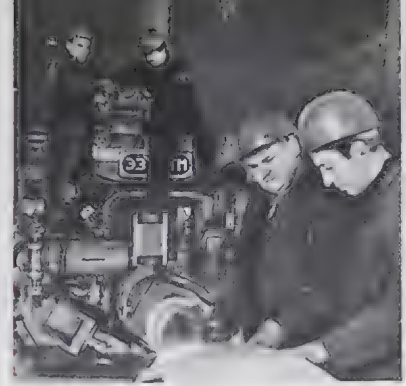
Одна хорошая крыса стоит примерно 50 форинтов. При фармакологических исследованиях только на токсичность препарата крыс уходит несколько тысяч. Собак — три десятка. Изучая действия препарата в организме, его метят изотопами. Метка только в одной позиции обходится в 200 тысяч форинтов, а позиции нужны разные. И самое важное — клинические исследования еще не начались! Так проходит шесть, восемь лет.

— Можно ли что-то сделать для ускорения внедрения лекарственного препарата?

— Да,— сказала Эдит Варга,— и это делается. В рамках СЭВ. Совместными испытаниями. У нас традиционные связи с советским здравоохранением. Взгляните на эту витрину, тут выставлены препараты, созданные недавно, но уже получившие мировую известность, и многие из них появились именно в результате совместной работы венгерских и советских коллег. Это действительно творческое содружество, взаимовыгодное. Советский Союз предоставляет нам возможность испытывать новое средство на большем материале, чем мы могли бы это сделать у себя дома. Кроме того, очень важно, что проверка идет в других климатических условиях и с иным подходом. Случается нередко, что в процессе таких испытаний препарат получает новую оценку, расширяются его возможности.

Да, сотрудничество стран СЭВ в фармацевтической области приносит все новые очевидные результаты. Сейчас вырабатываются единые методики экспериментальных и клинических испытаний. Координатором этой важной проблемы по линии СЭВ является Венгерская Народная Республика. Вышла в свет уже первая часть терминологического словаря лекарственных средств в рамках СЭВ. Эта совместная работа обеспечит взаимопонимание на всех этапах рождения препарата, его контроль и даст возможность еще более оперативно использовать достижения в области фармацевтики.

Будапешт — Москва.

Бригадир монтажников И. Кармазин и слесарь-монтажник Ю. Марченко.

Фото И. Бабушина

ДНЕПРОДЗЕРЖИНСК

Первыми в мире

Первыми в мире прокатали партию полых железнодорожных осей металлурги Днепровского металлургического завода имени Дзержинского. Здесь вступил в строй уникальный осепрокатный комплекс, сооружение которого на год раньше запланированного срока завершили коллективы треста «Днепродзержинскстрой» и организации Министерства монтажных и специальных строительных работ УССР.

Перед входом в новый цех высится памятная стела: пара вагонных осей поперек круто взмывающих вверх стальных путей. Надпись напоминает: первая в мире сплошная катаная ось была изготовлена на стане «250» прокатчиками «Дзержинки» 12 декабря 1975 года. С тех пор завод отгрузил десятки тысяч катаных железнодорожных осей.

— Что дал перевод подвижного состава страны на катаные оси? — спросил я у начальника нового цеха, лауреата Государственной премии СССР А. Сичевого.

— Во-первых, экономится большое количество высококачественного металла, который прежде перегонялся в стружку. Во-вторых, высвобождается много металлорежущих станков, ранее занятых на обработке кованых осей. И в-третьих, за один час работы стан «250» прокатает столько осей, сколько раньше их в течение суток могла бы отковать самая совершенная радиально-ковочная машина.

Но прокатчики «Дзержинки» не остановились на этом. Вместе со строителями и монтажниками они форсировали сооружение второй технологической линии стана, создавая комплекс по прокатке уже не сплошных, а полых вагонных и локомотивных осей.

Экономия металла, которая при этом будет достигнута, равносильна вводу в действие мартеновской печи средней мощности. Полые оси значительно уменьшат вес железнодорожных составов, стало быть, возрастет их грузоподъемность. Значит, без наращивания мощностей по выпуску вагонов и локомотивов можно дополнительно перевезти миллионы тонн народнохозяйственных грузов.

В сентябре прошлого года осепрокатный цех «Дзержинки» посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. Обсуждая высказанные им тогда рекомендации, дзержинцы, коллективы трестов «Днепродзержинскстрой», «Днепрометаллургмонтаж», «Днепроэлектромонтаж» на партийно-хозяйственном активе города приняли обязательства: сдать в эксплуатацию вторую очередь осепрокатного цеха на год раньше срока.

Особенно сложные работы выполнили монтажники. В сжатые сроки они смонтировали уникальное становое оборудование, а также электронно-вычислительный комплекс.

— Больше тридцати лет собираю станы,— говорит И. Кармазин, бригадир монтажников из треста «Днепрометаллургмонтаж».— А с такими темпами монтажа пришлось столкнуться впервые. Признаюсь, были сомнения: выдержим ли сроки? Особенно когда открыли паспорта агрегатов — в них стояли первые номера!..

Выдержали! Уникальное оборудование, впервые изготовленное отечественными машиностроителями, смонтировано и отлажено монтажниками в рекордно короткие сроки: в два раза быстрее, чем установлено нормативами.

И когда побежала по рольгангам стана первая раскаленная добела стальная заготовка, свет от нее упал на подновленный перед пуском плакат, тот самый, что был вывешен пять лет назад.

«Мы дали слово. Мы сдержали его!»

А. ПЕРЕВОЗЧИКОВ,
корреспондент пресс-центра
Минмонтажспецстроя СССР

КИРГИЗИЯ

СОПЕРНИК РИЦЫ

Среди туристических маршрутов Киргизии все большей популярностью пользуется автомобильно-пешеходный, ведущий на Чаткальский хребет, к горному озеру Сары-Челек. На высоте почти двух тысяч метров синяя гладь озера в окружении скал, поросших тянь-шаньскими елями и пихтой, кажется сапфиром в изумруде.

Сказочное впечатление оставляет поездка по озеру. Сквозь прозрачную воду хорошо видны донные узоры, похожие на фигуры фантастических животных. Как отмечают гости из разных краев нашей страны, озеро Сарычелек по красоте серьезный соперник кавказской жемчужины — озера Рица.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Фото Р. Джуманиязова

СИМФЕРОПОЛЬ

ПАРАД САМОВАРОВ

Удивляет уже первый экспонат этой выставки. По виду крупный чайник из красной меди с конфоркой, крышкой, длинной ручкой, краном и поддоном на трех ножках. Но это сбитенник второй половины XVIII века, предназначенный для приготовления и уличной продажи горячего напитка из меда, шалфея, зверобоя и пряностей. Проходящая внутри него труба с поддувалом позволяет думать, что сбитенник — один из предшественников самовара.

У самоваров в России было немало и других предков: «кухня-самовар», «фонтан», «бульотка»... Даже у древних греков и римлян применялись своеобразные переносные кухоньки — автепсы, которые, очевидно, в античное время были распространены и в Северном Причерноморье. А собственно самовары в нашей стране появились в середине XVIII века, когда в моду вошел чай и чуть позже кофе. В Петербурге, Москве, Архангельске и Ярославле росли маленькие фабрики, а в Туле крепли целые династии «самоварных королей» — Баташевых, Балашовых, Ваныкиных, Воронцовых, Шемариных. Особую известность получили баташевские самовары. Тому подтверждение — многочисленные золотые, серебряные и бронзовые медали российских и заграничных выставок. Как правило, изображение медалей выбивалось на тулове, крышке и поддоне самоваров.

Восемнадцатый век запечатлел себя в самоварах вроде чайника и братины — одного из самых популярных нагревательных сосудов еще в Древней Руси. В начале XIX столетия появились самовары-бочонки на поддоне с носиком в форме амфоры. Тридцатые — сороковые годы прошлого века оставили нам граненые и вазообразные цилиндрические самовары, потом их стали делать в виде шара, прямоугольных или восьмигранных ящиков. Роскошь и главное украшение дома, они несут на себе отпечаток барокко и рококо, ампира и готики... Те экспонаты, что представлены на выставке в Крымском краевед-

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

ческом музее в Симферополе, конечно, лишь небольшая часть самоварного разнообразия.

Самоваров на выставке более шестидесяти. И все из коллекции директора Симферопольской детской художественной школы В. С. Вознесенского. Хорошо, когда увлечение человека, кроме личного удовольствия, приносит и общественную пользу: сохраняются памятники материальной культуры, которые возвращают нас к давно минувшим временам.

Здесь же всевозможные предметы сервировки стола, вышитые полотенца, мебель из фондов музея. Старинный граммофон может вам проиграть дореволюционные пластинки...

В. БАРБУХ

ИСКУССТВО — СОЗДАВАТЬ КРАСОТУ

МОСКВА

Марина и Галина Петровна готовятся к смотру.

Фото Б. Кузьмина

— Когда я была маленькая и не с кем было дома оставить, мама часто брала меня с собой. Мне очень нравилось смотреть, как она работает. Какими красивыми и немного удивленными собой уходили от нее люди. Уже в ту пору я твердо решила: буду парикмахером, тем более, что и папа мой — парикмахер,— рассказывает мастер первого класса Марина Немцова.

Сразу после школы она поступила в учебно-производственный комбинат по подготовке парикмахеров, а по окончании его пришла в тот же салон, где работают родители.

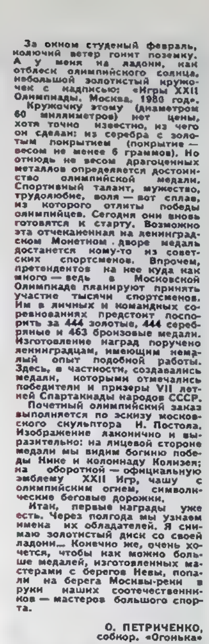
Вскоре мама, Галина Петровна, начала готовить ее к выступлению на конкурсе. И вот уже четыре года подряд Марина Немцова занимает первое место на конкурсах мастеров-парикмахеров столицы. А в минувшем году она стала лауреатом Международного конкурса в Польше.

— Начинать ей, конечно, было легче, чем другим,— говорит отец Марины, Юрий Алексеевич.— Она выросла в семье парикмахеров. К тому же с детства хорошо рисовала и потом по своим же рисункам отрабатывала прически. Однако достижение мастерства требует огромного труда, иногда ей часами приходится оттачивать какой-нибудь штрих.

Сейчас Марина под руководством мамы готовится к новому смотру, где будут показывать свою работу парикмахеры комбината.

О. ТОМЧИНА

ЗОЛОТО — ДЛЯ ОЛИМПИАДЫ

ЛЕНИНГРАД

За окном студеный февраль, колючий ветер гонит поземку. А у меня на ладони, как отблеск олимпийского солнца, небольшой золотистый кружочек с надписью: «Игры XXII Олимпиады. Москва. 1980 год».

Кружочку этому (диаметром 60 миллиметров) нет цены, хотя точно известно, из чего он сделан: из серебра с золотым покрытием (покрытие — весом не менее 6 граммов). Но отнюдь не весом драгоценных металлов определяется достоинство олимпийской медали. Спортивный талант, мужество, трудолюбие, воля — вот сплав, из которого отлиты победы олимпийцев. Сегодня они вновь готовятся к старту. Возможно эта отчеканенная на ленинградском Монетном дворе медаль достанется кому-то из советских спортсменов. Впрочем, претендентов на нее куда как много — ведь в Московской Олимпиаде планируют принять участие тысячи спортсменов. Им в личных и командных соревнованиях предстоит поспорить за 444 золотые, 444 серебряные и 463 бронзовые медали. Изготовление наград поручено ленинградцам, имеющим немалый опыт подобной работы. Здесь, в частности, создавались медали, которыми отмечались победители и призеры VII летней Спартакиады народов СССР.

Почетный олимпийский заказ выполняется по эскизу московского скульптора Н. Постола. Изображение лаконично и выразительно: на лицевой стороне медали мы видим богиню победы Нике и колоннаду Колизея; на оборотной — официальную эмблему XXII Игр, чашу с олимпийским огнем, символические беговые дорожки.

Итак, первые награды уже есть. Через полгода мы узнаем имена их обладателей. Я снимаю золотистый диск со своей ладони... Конечно же, очень хочется, чтобы как можно больше медалей, изготовленных мастерами с берегов Невы, попали на берега Москвы-реки в руки наших соотечественников — мастеров большого спорта.

О. ПЕТРИЧЕНКО,
собкор. «Огонька»

НО ЧТО ИСКАТЬ

Г. ДАНИЛОВА

Жизнь самого молодого в столице Нового театра началась в январе 1976 года. Он был создан на основе выпускного актерского курса Школы-студии при МХАТе во главе с педагогом этого курса В. Монюковым. Свою будущую программу Новый театр закономерно видел в осуществлении мхатовского принципа изучения «жизни человеческого духа», постижения нравственных, духовных сил современника.

«Исследование человеческой души. Но что искать на дне этой души, какое начало? Не смакование сложностей и неизбежности тупиковых ситуаций, а вера в красоту и силу, в духовность человека, в его способность преодолевать и побеждать трудности. Такова наша позиция»,— говорил художественный руководитель молодого театра.

Репертуар поначалу составили только спектакли выпускников, затем он стал пополняться новыми работами. Театр стремился формировать свою афишу. Были у него на этом пути трудности, промахи, были и удачи. За спектакль «Ключ» В. Левашова (режиссер Ю. Мочалов) театр получил первую премию на смотре работ, посвященных 60-летию ВЛКСМ.

Герои спектакля — молодые строители ТЭЦ на Крайнем Севере. И, как положено в молодежной среде, дело не обходится без любви. Но не она здесь главное. Действие начинается с комсомольской свадьбы, а развертывается в кругу иных, неличных, неинтимных проблем. Речь идет прежде всего о нравственности деловых взаимоотношений.

Комедия молодого драматурга не лишена недостатков. Один из них — скомканность финала, та легкость, с какой в конце действия «перековывается», меняет стиль своей работы секретарь комсомольской организации Семенов — основной объект критики в этой комедии. Но автору, безусловно, удалось главное: его пьеса направлена против формализма, равнодушия к людям, защищает достоинство рабочего человека, ищущего в труде радость творчества. Пьеса остро ставит вопрос о том, что всякая большая, тем более комсомольская стройка должна быть школой трудового, нравственного воспитания молодежи. Нынешним молодым жить в XXI веке — от них зависит, каким он будет, этот век.

Центральной в спектакле стала сцена заседания комитета комсомола, где сочетается серьезное и смешное, наглядно, с юмором дискредитируются семеновские приемы руководства и торжествуют принципиальность, чувство долга, гражданской ответственности.

Есть у театра еще один дипломированный спектакль — «Горсть песка» Е. Пшездецкого (режиссер В. Монюков), отмеченный на фестивале драматического иск[у]сства ПНР в СССР. Это поучительный рассказ о молодом человеке, не сумевшем выдержать испытания, которым его подвергла жизнь. Геза был известным пловцом, но болезнь сердца заставила его расстаться со спортом. Теперь он смотритель пляжа на курорте, выдает отдыхающим лежаки. В исполнении этой роли Б. Гусаковым физический недуг Гезы воспринимается скорее как недуг нравственный. Уязвленный своей неудачливостью, ожесточившийся, угрюмо сосредоточившийся на своей беде, Геза бессмысленно проматывает свою жизнь, разменивает ее на выпивки и девиц — каждый вечер у него другая... Одна только Анка (Л. Новак) — серьезная, нравственно чистая, любящая — еще надеется вырвать Гезу из этого примитивного существования. Но надежда не оправдывается — Анка покидает Гезу, и это становится для него сильнейшей встряской, заставляет наконец осознать, что Анка — единственно близкий ему человек: теряя ее, он теряет все.

Горькие рыдания Гезы воспринимаются не только как его раскаяние, но и как осуждение театром судьбы ничтожной, не состоявшейся по вине самого человека.

Молодой театр показал явление, с которым был явно не согласен. И недвусмысленно дал это понять.

«Ключ», «Горсть песка» и сегодня на афише. Только положение спектаклей здесь неравнозначное. «Ключ» выглядит случайным, тогда как «Горсть песка» существует в плотном окружении спектаклей, близких ему по многим мотивам. Эти спектакли и формируют лицо театра.

Нынешняя афиша Нового театра, которым теперь руководит главный режиссер В. Ланской, почти вся оригинальная. Доминирует здесь советская пьеса — шесть названий из девяти (не считая двух детских сказок). А среди этих шести значительное место занимают произведения молодых драматургов: «Пора тополиного пуха» А. Сергеева, «Кто этот Диззи Гиллеспи?» А. Соколовой, «Старый дом» А. Казанцева...

Тяготение Нового театра (с его в основном молодежной труппой) к творчеству молодых драматургов (с близкими им проблемами жизни молодежи) — все это естественно. Общность жизненного опыта поколения обеспечивает хорошее взаимопонимание. Не случайно и то, что в зрительном зале Нового театра заметно преобладает молодежь — ей прежде всего адресует театр свою работу.

Тем более, думается, необходимо говорить о небезупречности репертуарного выбора молодого коллектива. Внимательный взгляд легко обнаружит здесь тематическую монотонность. Бóльшая часть спектаклей Нового театра посвящена теме нравственных исканий. В пьесах молодых драматургов она рассматривается через призму любви, семейно-бытовых отношений. Однообразие сказывается и в сходстве жанровых признаков этих пьес, где жизнь предстает не в каких-то исключительных проявлениях, а в обычном, повседневном, будничном течении; и в избрании героя одного и того же типа, как бы выхваченного произвольно из массы заурядных лиц, не превосходящего многих ни глубиной мысли, ни значительностью поступков, человека житейски неопытного, духовно и граждански незрелого; и в характеристике людей старшего поколения, их взаимоотношения с молодым поколением чаще всего представлены негативно.

Уровень авторского осмысления нравственной темы в этих пьесах также примерно одинаков. Тема не преодолевает предела камерного, узко частного звучания, не выходит к обобщениям широкой общественной значимости, не обретает четкого гражданственного пафоса. За внешней узнаваемостью событий и характеров нет крупного, общезначимого конфликта, нет глубокой мысли, атмосферы времени. Решительно не соглашаясь с отрицательными явлениями, разоблачая и клеймя их, молодые авторы пьес, идущих в Новом театре, более робки и скованны в выявлении своей позитивной цели, своего идеала. Он или расплывчат, абстрактен, отвлечен, или не обладает той социальной масштабностью, художественной убедительностью, которые способны придать произведению силу нравственно-преобразующего воздействия.

Автор пьесы «Пора тополиного пуха» А. Сергеев является и ее постановщиком. Свойственные пьесе камерность, интимность усилены в спектакле.

События, в которых участвуют всего два персонажа, происходят на загородной даче, в чердачной комнате, придавленной покатой крышей (художник О. Шейкцис). В небольшом замкнутом пространстве выделяется стоящая в центре сцены кровать: к ней постепенно приходят отношения героев. Сергея и Наташу, ранее между собой незнакомых, их шаловливые друзья запирают в этой комнате вдвоем (впрочем, не без ведома Сергея), чтобы они создали «свой маленький сплоченный коллективчик». Но если Сергей — типичный представитель собравшейся на даче «целой оравы молодых прожигателей жизни», то Наташа — человек, случайный в этой компании.

Сергею двадцать пять лет, он не по возрасту легкомыслен. «Подумаешь, какое дело!» — вот принцип его отношения ко всему в жизни. Завтра утром ему предстоит пойти в загс с не любимой, но выгодной невестой,— ее влиятельный отец поможет Сергею поступить в институт. А сегодня он намерен провести ночь в обществе Наташи, которая ему понравилась. Наташе он тоже нравится, но случайных, ни к чему не обязывающих любовных отношений она не приемлет: она человек более зрелый, более ответственно относящийся к жизни.

С глазу на глаз оказались люди разных пристрастий, характеров, опыта. Их знакомство неизбежно складывается как цепь столкновений, разногласий. Актеры Н. Егорова и Н. Попков искренне, увлеченно выписывают прихотливый психологический рисунок своих ролей, и эти взаимные притягивания и отталкивания героев оказываются здесь главным. Мысль же спектакля несложна, даже скудна, она сводится к самоочевидной (уже в начале действия) морали: нехорошо вести себя в жизни так, как Сергей,— в его возрасте следует быть самостоятельнее, решительнее.

И, конечно, спектаклю нужны более энергично и последовательно развивающееся действие, более сильные чувства и значительные поступки, чтобы развязка (наутро Сергей *не уходит* к невесте, а остается с Наташей) заставила поверить, что эта встреча действительно перевернула душу Сергея и что он откажется от прежнего образа жизни...

В спектакле «Кто этот Диззи Гиллеспи?» на сцену вынесены сразу все места действия: улица, бульвар, телеграф, квартира (художники Б. Бланк, А. Васина)... Режиссеры (спектакль поставлен дипломником В. Богомазовым под руководством В. Ланского) стремятся создать впечатление «потока жизни» со множеством течений: они то вытесняют друг друга, то пересекаются, идут параллельно... Как подсказывает режиссерский прием, судьба героини спектакля Кати — обычная, распространенная. А все, что произойдет с нею, совершится на виду у многих, точнее, при абсолютном равнодушии многих.

Кате около двадцати. Она работает и учится в институте. Горячо любимый дед заменил ей всех родных и близких. Но дед смертельно болен, и вся нелегкая забота о нем ложится на Катю. Нервно, с щедрой эмоциональностью, мгновенно переходя от одного настроения к другому (таково режиссерское требование), психологически обогащая роль, играет Катю Л. Коровкина. Хрупкая девочка в скромном черном платьице, Катя добра, доверчива, отзывчива, способна почувствовать чужую боль, как свою. Жизнь приучила ее не жаловаться и не ныть, не жалеть себя, но ее-то, Катю, часто бывает жалко. Кате явно не по силам тот груз, который она вынуждена нести. Порой в ней проглядывает наивный, беспомощный ребенок. Она очень одинока среди сослуживцев. И с матерью у нее нет контакта. У Лидии Павловны после гибели на фронте отца Кати другой муж, другая — солидная — семья. И мать Кати (М. Николаева) и ее новый муж (И. Кашинцев) предстают в спектакле как законченные эгоисты.

Кульминационной в истории Кати становится сцена, когда в ее отсутствие дед на скорой помощи увезен в больницу. Потрясенная, растерянная, Катя ищет совета: что делать, как найти эту больницу; мечется по всему пространству открытой сцены-улицы, обращается к прохожим; звонит на квартиру матери, в справочную, бросается от одного телефонного автомата к другому. Все безрезультатно. Ей просто не дают договорить — не слышат в ее словах мольбы о помощи. Отталкивающим, жестоким равнодушием звучат резкие телефонные гудки отбоя... Символичен эпизод, когда Катя, пытаясь объяснить свою просьбу, бегает за Женщиной (Л. Корюшкина), вышедшей на улицу позаниматься спортом. Женщина, в сущности, убегает от Кати, спасается от чужой заботы, а Катя не понимает этого, все тянется за ней, повторяет свою просьбу... И наконец, в отчаянье опустившись на колени, надрывно, страдальчески взывает к темному пространству зрительного зала...

Сопоставление нарочито сгущенной в этой сцене недоброй атмосферы равнодушия, которое разрастается до размеров поистине всеобщего бедствия, страданий житейски неопытной, одинокой девочки рождает образ беспомощности, человеческого бессилия. Но Катю ждет еще и предательство Алеши (А. Коршунов), которого она любит. Это Алеша заразил Катю любовью к музыке, высшим проявлением которой для него является искусство выдающегося трубача Диззи Гиллеспи. И теперь для Кати высокий призывный звук трубы — это Алеша. В музыкальном звуке трубы открывается Кате нечто светлое, какой-то манящий идеал... Алеша исчезает внезапно. Изъян обнаруживается в его характере тогда, ко-

НА ДНЕ ДУШИ?

гда желание Алеши стать музыкантом не сбывается. Огорчение, досада берут верх над порядочностью.

И Кате в ее полном одиночестве не остается уже ничего, кроме стремления к идеалу. Завершающий эпизод спектакля: в луче света — Алешина труба, высоко поднятая рукой Кати. Эта стойкая, терпеливая девочка, конечно же, вызывает сочувствие. Но вместе с тем и острое чувство тревоги за ее дальнейшую судьбу. Ведь всерьез поверить в спасительную силу Катиного идеала трудно; слишком уж он расплывчат, этот абстрактный, оторванный от реальности идеал. Он скорее зовет к обособлению от жизни, уходу в мечтательность, чем помогает обрести ясную цель, позицию активного противодействия, борьбы с тем злом, которое столь конкретно воплощено в спектакле.

Весьма конкретным и очень узнаваемым предстает зло и в спектакле «Старый дом» (режиссер В. Ланской).

Когда-то, наверно, красивый, с величественными колоннами классического ордера, этот дом ныне являет собой одну большую, густо населенную квартиру с характерными для нее приметами быта «коммуналки». Люди живут здесь, тесно притертые друг к другу. И ничего нельзя скрыть от соседей,— все у всех на виду.

Развившиеся в этой среде нравы видятся драматургу как нечто исключительно непривлекательное, безобразное. И он с пристрастием собирает в старом доме целую коллекцию людей, нравственно уродливых, духовно убогих, примитивных, пошлых... Мир пьесы, ограниченный стенами старого дома, словно бы намеренно отделен от окружающей действительности. Обитатели дома предстают фигурами укрупненными, как под увеличительным стеклом.

Вот Петр Кузьмич Рязаев (И. Кашинцев) — неусыпный страж нравственности и порядка в старом доме. Образ выписан в спектакле густой одноцветной краской, без полутонов. Под личиной истового общественника в Рязаеве скрывается азартный сплетник, демагог. любитель копаться в грязном белье, бесцеремонно лезть в чужую жизнь, распоряжаться в ней, руководствуясь своими обывательскими представлениями о нравственности... А рядом столь же «впечатляющая» фигура: неудачник, когда-то мечтавший стать летчиком, а ныне горький пьяница, спаивающий своего малолетнего сына Витьку, садист и хам, злобно вымещающий на семье неудовлетворенность жизнью. Таков глава семейства Глебовых, Максим Ферапонтович (В. Рудый). Его жена (Л. Корюшкина) — существо, забитое до полного отупения, до животного страха перед мужем...

В семье Крыловых — под видом интеллигентности — свои неурядицы. Недалекая, суетная мещаночка, мать (М. Николаева) не умеет наладить добрые отношения в семье; безразличный ко всему отец (Л. Коробов) одержим одной мыслью — поскорее сбежать из дома, пока что на работу. Позднее выяснится, что у него есть другая семья, куда он однажды окончательно сбежит...

Неудивительно, что в старом доме царят сплетни, скандалы, драки. Все это изображается в спектакле очень колоритно, эмоционально. Сценам квартирных безобразий отведено здесь столько места, отдается столько страсти и темперамента, что порой они приобретают самостоятельное значение, выглядят, как смакование «сложностей и неизбежности тупиковых ситуаций», от которого театр ранее намеревался уходить... Неприглядная картина коммунального быта сгущается до символа, сливаясь с образом старого дома.

«В этом доме бывал Лев Толстой» — не раз прозвучит по ходу действия, а все события сопровождает изящная лиричная мелодия «Вальса» А. Грибоедова... Великое, прекрасное, относящееся к прошлому, иронически оттеняет унылое настоящее старого дома.

Здесь и произойдет драма влюбленных, семнадцатилетних Саши Глебовой (Л. Новак) и Олега Крылова (Б. Невзоров). Старый дом сыграет не последнюю роль в их судьбах.

Надо сказать, что и эти герои, подобно Кате, оказываются один на один со злом. У них тоже нет духовной связи с родителями, им не на кого опереться. Выход они видят лишь в том, чтобы после окончания школы бежать из старого дома. Но дом этот цепко держит их судьбы, отравляет их жизнь своим гнилым дыханием.

Конечно, молодые и сами виноваты в том, что так быстро, нелепо разрушились их отношения: Олег досадно легкомыслен, инфантилен. И все же окончательного разрыва могло не быть, если бы не грубое, пошлое вторжение в отношения влюбленных вездесущего Рязаева, их матерей...

Новая встреча Саши и Олега произойдет во втором акте спектакля, через 12 лет. В том же старом доме. Многое изменилось в их жизни, да и в них самих за прошедшие годы. Оба получили профессию: Саша — артистка, Олег — физик, к тому же известный шахматист. Но оба глубоко несчастны в личной жизни. Через все годы, словно тяжкий, мучительный груз, несут они свою юношескую любовь — единственную настоящую. Их сцена, пронизанная скорбью, тоской, обнажит незаживающие душевные раны обоих. Драматично прозвучит здесь мотив невозвратимости утерянного.

Второй акт во многом отличается от первого. Буре несдержанных эмоций, резкой динамичной пластике противопоставлена тихая ностальгия по прошлому. Неторопливо идет Олег по дому, встречается с жильцами. Страшное, ненавистное прежде выглядит теперь смешным или жалким, безобидным. Словно не зная, что дальше делать со старым домом, и автор и театр попросту отпускают ему все грехи. Даже Рязаеву, человечишке ничтожному, гнусному, не станет перечить Олег. На вопрос — любит ли он его, Олег (Б. Невзоров) всерьез ответит утвердительно! И невольно возникает вопрос: зачем же тогда драматург и театр так усиленно, порой теряя чувство меры, сгущали недобрую атмосферу в первом акте? Где они отстаивают истину — в первом акте, когда создают устрашающий облик зла, или во втором, где призывают к терпимости, примирению?

В старом доме действительно многое изменилось, стало тише, спокойнее. Но ведь это заслуга не людей, а разрушающей силы времени. И как быть с искалеченными человеческими судьбами? С Олей, которую Рязаев, ее отец, довел до нервной болезни? С Витькой — он по вине старшего Глебова стал пьяницей, вором? Наконец, с Сашей и Олегом, с их непоправимой драмой?..

Концепция спектакля, в сущности, сводится к пассивной позиции невмешательства, примирения жизненных противоречий,— по принципу: кто старое помянет...

Не случайно спектакль завершается мизансценой безысходности. Грустно поникшие, понурые, погрузившись в свои безрадостные мысли, сидят на ступенях дома Саша и Олег... Драматург и театр с большой эмоциональной силой констатируют отрицательные явления, и на этом останавливаются, словно не видя самой возможности противостояния им, поисков выхода из «тупика».

Спору нет — нужна критика негативных явлений, мешающих обществу в его развитии. Но критика созидательная, не уничтожающая перспективы. Не в том ли состоит благороднейшая, глубоко гуманистическая традиция советского сценического искусства, что театр — если он действительно хочет бороться со злом и утверждать добро, сокрушать старое и строить новое — не ограничивается лишь простым фиксированием отрицательных явлений, трудностей жизни. Важно пробудить в человеке активное желание действия, дать человеку почувствовать в самом себе, в окружающей его действительности те духовные опоры, которые помогут ему стать смелее, выносливее, решительней противостоять злу.

В связи с этим встает актуальный для Нового театра вопрос о выражении в его творчестве *позитивных тенденций* современной советской действительности. О создании целостного характера, в котором убедительно, впечатляюще воплотились бы эти тенденции. Некоторое отражение они получают лишь в спектакле «Ключ». Основные же персонажи «Старого дома» предстают людьми вне общественных интересов. Таковы и молодые герои спектаклей «Пора тополиного пуха», «Кто этот Диззи Гиллеспи?».

Нет на сцене театра человечески крупной, социально значительной личности, чья судьба смыкалась бы с судьбой общества, была бы ее выражением. Нет привлекательного положительного героя, который вызывал бы желание подражать ему.

Расширение тематического диапазона репертуара, круга поднимаемых проблем, углубление их осмысления, обращение к драматургии более высокого художественного уровня необходимы и для самого коллектива Нового театра. Актерское искусство во многом определяется, формируется драматургией.

Пьесы молодых драматургов и молодежной тематики, вошедшие в репертуар Нового театра, не ставят перед исполнителями задач высокой идейно-художественной сложности в искусстве перевоплощения, а значит, не создают условий для творческого роста. В этих пьесах молодые актеры из вечера в вечер пребывают в кругу привычных идей, жизненного материала, стилистики. Играют чаще всего своих сверстников-современников. Тут они искренни, эмоционально щедры. Но при этом заметна повторяемость, использование одних и тех же выразительных средств, приспособление роли к себе, а не себя к роли.

Видимо, сознавая опасность творческого застоя, театр в последнее время ввел в репертуар пьесы более сложной драматургии — «Годы странствий» А. Арбузова, «Заключенный Второй авеню» американского драматурга Н. Саймона. К сожалению, в этих спектаклях режиссерский поиск пошел, думается, по несколько иному пути, чем предполагают природа Нового театра, потребности его творческого роста. Здесь больше внимания уделено постановочной стороне, чем созданию полнокровных, неоднозначных образов, где психологическая глубина сочеталась бы с точной исторической, социальной, бытовой характеристикой. В спектаклях более примечательны режиссерские приемы, чем исполнение ролей. Более того, именно в этих спектаклях особенно заметна невыразительность, а иногда просто невнятность актерской речи, сведение ее к однообразной «современной» бытовой манере.

Все это не может не беспокоить. Ведь в труппе Нового театра немало интересных, своеобразных актерских дарований, требующих внимательного отношения со стороны режиссуры, обогащения мастерством.

Не часто бывает, что студенческий курс будущих актеров по окончании вуза становится новым, самостоятельным театром. Если такое происходит, смело можно сказать: этому курсу крупно повезло. Оказанное выпускникам Школы-студии 1975 года доверие — право иметь свой театр — было их большим счастьем. Но и большой ответственностью.

Расставшись со студенческой скамьей, коллектив вступил в тот период жизни, когда справедливыми стали более высокие и строгие, «взрослые» требования к его работе. Прежде всего требование выполнять важную общественную миссию, отвечающую принципам партийности и народности. Быть той кафедрой, где поднимаются острые, насущные социальные проблемы.

Именно таким видится путь, на котором Новый театр сможет обрести зрелость гражданскую и творческую.

СКЛАДЫ НА КОЛЕСАХ

«Чем объяснить, что мне не доставили № 51 «Огонька» за прошлый год, а в этом году мы не получили вообще ни одного номера? Кто виноват в этом: редакция, типография или почта? Двадцать лет подписываюсь на ваш журнал, но такой неразберихи еще не было.

М. Петелина».

г. Каунас.

«Простите за беспокойство, но нигде не узнаешь, что случилось: нам не доставили первый и третий номера вашего журнала. На все вопросы почтовые работники грубо отвечают: «получите, если будет получено», «нам ваш журнал не нужен» или «спросите у редактора», что мы и делаем.

Будьте любезны, сообщите, посчастливится ли нам в ближайшее время почитать новые номера журнала.

Семья Заино».

г. Вильнюс

Очень обидно, что мы, подписчики, получаем «Огонек» в этом году нерегулярно. Даже розница порой получает новые номера раньше.

А. Федрушин».

г. Вильнюс

«Выписала в этом году «Огонек», но вместо удовольствия получаю одни неприятности из-за безобразной доставки. Номер второй мы получили 17 январп, № 4 — 24-го. Ни первого, ни третьего номеров мы не получили вообще. Помогите, пожалуйста, освободиться от нервотрепки. Я уже не молод, участник двух войн, нервы и без того потрепаны.

Н. Дунаев».

г. Витебск.

«Наша семья выписывает «Огонек» с 1956 года. Более 20 лет журнал приходил регулярно, а вот с конца прошлого года что-то произошло. Номера 51, 52 получили только 10 января этого года. В 1980 году №№ 1, 3, 4 еще не пришли, а № 2 принесли 14 января. «Огонек» — журнал еженедельный, и мы, подписчики, вправе ожидать, что он будет приходить раз в неделю, а не раз в месяц. Сколько можно быть в роли жалкого просителя?

С. Ф. Костецкий».

Минская обл.,
д. Заэерка

«Долгое время являюсь постоянным подписчиком вашего журнала.

Но почему в наш молодой город журнал поступает так несистематически? Сегодня 23 января, а мы еще не получили номера за прошлый год. Работники почты и агентства «Союзпечати» утверждают, что они не виновны. Помогите нам разобраться в этом вопросе...

Семья Тихомировых».

ЯАССР,
г. Нерюнгри.

Такие письма в последнее время редакция получает, к сожалению, во множестве. Еще больше жалоб поступает непосредственно в отдел распространения издательства «Правда». Что же произошло с доставкой?

В отделе распространения нам сообщили, что ненормальное положение с отправкой периодической печати через отделения перевозки почты Москвы сложилось уже давно и приняло почти хронический характер. Проверка каждой отдельной жалобы уже почти ничего не дает. Нужны какие-то кардинальные меры.

Отделения перевозки почты Белорусского, Ленинградского, Ярославского, Казанского вокзалов просто не справляются с приемом и отправкой журналов.

В результате часть тиража проleживает в экспедициях издательства. Нередко автомашины с журналами часами простаивают в отделениях перевозки почты в ожидании разгрузки. Машины становятся складами на колесах и часто возвращаются назад так и не разгруженными.

Порой машина по 7—8 часов не может подойти к вагону из-за неотправленных посылок, заваливших все платформы. Сейчас многие учреждения и предприятия отправляют посылками, контейнерами небольшие грузы, а почта не справляется с их отправкой. Плохо и то, что основной транзит идет через Москву, загружая вокзалы.

Сами отделения перевозки почты во многом устарели, плохо оснащены и неспособны справиться с современным потоком почтовых отправлений и печати.

Большой бедой является и постоянное нарушение графиков движения почтовых поездов.

По всем этим причинам происходит задержка отправки всей периодической печати. А с «Огоньком» дело обстоит особенно плохо. Для журнала, выходящего еженедельно, просто нет никакого запасного варианта: его нельзя отправить ни товарными вагонами, ни автофургонами. Тут единственный канал — отправка плановым почтовым поездом.

По всем этим вопросам издательство многократно обращалось к руководству Московского управления перевозки почты и Министерству связи СССР. Меры, конечно, принимались по каждому конкретному обращению, но в целом проблема эта не решена. Ее решения ждут и издательство и редакция, а главное, подписчик, ради которого мы все и трудимся.

Редакция ждет от руководства Министерства связи СССР кардинальных мер по устранению этого безобразного, как справедливо пишут читатели, положения с доставкой журнала.

В № 9 журнал «Огонек» начинает публикацию документальных очерков нашего специального корреспондента, писателя Цезаря СОЛОДАРЯ «ЛИЦЕМЕРЫ».

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

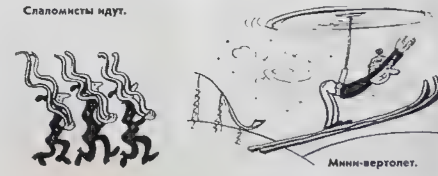
Ковер цветов

За одну ночь был «расстелен» огромный ковер из цветов площадью 24×63 метра в центре бельгийской столицы. 130 садовников высадили более 635 тысяч цветов по случаю тысячелетней годовщины со времени основания Брюсселя.

Вот так «молния»!

— Вот это «молния»! — изумляются туристы, глядя на эту «застежку». Самые дотошные подходят ближе и обнаруживают, что это всего лишь глухая стена, искусно разрисованная художником. Так после ремонта обыкновенный старый кирпичный дом в западноберлинском районе Шарлоттенбург стал туристической достопримечательностью.

Семейна[я] фото-графия

Слаломисты идут.
Мини-вертолет.

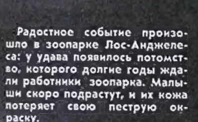
Поединок

Эта обитательница моря весом 616 килограммов поймана недалеко от берегов австралийского города Кэрнс. Схватка рыбака и «рыбки» длилась около шести часов.

Радостное событие произошло в зоопарке Лос-Анджелеса: у удава появилось потомство, которого долгие годы ждали работники зоопарка. Малыши скоро подрастут, и их кожа потеряет свою пеструю окраску.

Широкая натура.

Счастливые киловатт-часов не наблюдают.

КОГДА КОПЕЙКА НАРОДНЫЙ РУБЛЬ НЕ БЕРЕЖЕТ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Дал прикурить.

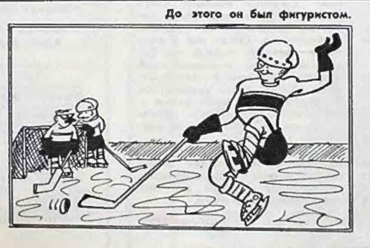
Рачительный хозяин.

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА

Корреспондент:
— Вы не боитесь такой скорости!

До этого он был фигуристом.

Не до зайцев.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛА ОТКРЫТКА

Вот уже много лет москвич Я. М. Белицкий собирает открытки. Может быть, есть коллекции и побольше, но эта особая: хранятся в коробках рисунки и фотографии, рассказывающие о первом советском Первомае, о первом дальнем перелете, о первых спортивных соревнованиях в России...

И почти к каждой почтовой открытке полагается еще одна карточка — поисковая, куда заносятся все необходимые записи: когда произошло событие, изображенное на открытке, что писали по этому поводу в газетах и журналах. Иногда на карточке несколько строчек, а сколько потрачено времени в библиотеках, музеях, архивных хранилищах...

Такие коллекции — незаменимый материал для искусствоведов, историков, краеведов, постановщиков фильмов и спектаклей.

Об открытках можно говорить бесконечно. Мне хочется рассказать об иллюстрированных почтовых карточках, на которых изображены картины, скульптуры, уникальные здания, бесследно исчезнувшие.

Лишь в репродукции на этой очень редкой открытке можем видеть мы сейчас портрет Льва Николаевича Толстого кисти художника И. Пархоменко. У портрета интересная история.

В 1909 году молодой живописец Иван Кириллович Пархоменко задумал создать портретную галерею русских литераторов и не без робости отправил письмо в Ясную Поляну.

Почти все, кто знал об этой затее Пархоменко, говорили, что Толстой болен, он не любит позировать художникам, так что наверняка ответ будет отрицательным.

Но вот в Плес, где жил тогда Пархоменко, пришло коротенькое письмо:

«Милости просим. Лев Толстой. 10 июля 1909 года».

И одновременно — несколько строк от Софьи Андреевны:

«Лев Николаевич получил Ваше письмо и сказал мне, что будет отвечать Вам; по-видимому, он ничего не имеет против Вашего посещения, и мой совет — приезжайте сейчас же, так как он здоров, а что будет в сентябре — неизвестно».

Надо ли говорить, что через несколько дней Пархоменко был уже в Ясной Поляне.

Портрет, написанный Пархоменко, хорошо знали обитатели яснополянского дома. Позже, в 1911 году, он ненадолго выставлялся в Толстовском музее в Петербурге, примерно в то же время с него была сделана репродукция для почтовых карточек. В 1912 году Пархоменко, уезжая на несколько лет из Москвы, отдал свою работу на склад художественных произведений Третьякова. В 1918 году этот портрет бесследно исчез.

Безусловно, в портрете И. Пархоменко есть своя необычность, свое видение натуры. Недаром этот холст заинтересовал требовательного и беспощадного в своих оценках Толстого.

В одном из писем П. И. Бирюкову Лев Николаевич приписал:

«Письмо это передаст вам очень милый человек, художник Пархоменко, только что кончивший мой портрет — прекрасно».

А вот суждение тех, кто видел эту работу.

Из письма С. А. Толстой: «Лев Николаевич всем рассказывает, что написанный Вами его портрет есть лучший из всех».

Так что же все-таки случилось с портретом?

Одна из версий — что в 1918 году портрет был передан на какую-нибудь выставку (отмечалось 90-летие со дня рождения Л. Н. Толстого, и таких выставок устраивалось немало).

А время было тревожное, опыта в оформлении документов у тех, кто тогда этим занимался, еще не было,— может, и тем срокам, когда нужно было возвращать портрет, учреждение, выдавшее его, постигла частая в те годы реорганизация. И остался экспонат выставки у новых своих владельцев.

Очень обнадеживающая, на наш взгляд, версия!

Несколько слов об открытке, которая здесь помещена. Она была издана «Литературным фондом» (средства от коммерческих предприятий этого фонда шли нуждающимся литераторам), напечатана в петербургской фототипии А. Ф. Дресслера и, видимо, весьма небольшим тиражом: у коллекционеров она встречается весьма редко.

Портрет не иголка, и если не коснулись его беды минувших войн, может быть, он все-таки однажды отыщется, и поможет в этом сохранившаяся открытка.

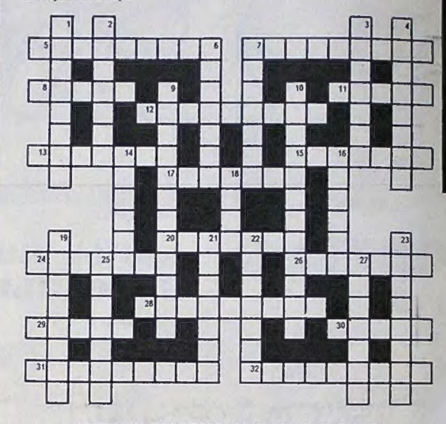
А теперь взгляните на последнюю страницу обложки этого журнала. Здесь напечатано несколько открыток из собрания Я. Белицкого. Среди них и почтовые карточки первых лет Советской власти, и старый герб Москвы, выполненный для открытки в 1910-х годах художником Г. Нарбутом, и выпущенные к 100-летию Бородинского сражения открытки, посвященные войне 1812 года.

В мире открыток всякого увлеченного человека ждет много тайн, загадок и находок, поэтому так популярен в наши дни этот вид коллекционирования.

М. СЕРГЕЕВА

По горизонтали: 5. Монолитная копия печатной формы. 7. Точка орбиты планеты, кометы, наиболее близкая к Солнцу. 8. Промысловая рыба. 11. Советский ученый в области металлургии и сварки, академик. 12. Помещение для чтения лекций, докладов. 13. Союзная советская республика. 15. Характер поверхности произведения живописи. 17. Фрукты, ягоды, приготовленные с сахаром. 20. Минерал, сырье для производства алюминия, соды. 24. Пьеса М. Горького. 26. Мера веса. 28. Город-герой. 29. Карельский балет композитора Г. Н. Синисало. 30. Старинная золотая монета. 31. Ускоритель заряженных частиц. 32. Композитор, автор оперы «Дубровский».

По вертикали: 1. Сближение и соединение космических кораблей на орбите. 2. Один из Малых Антильских островов. 3. Руководство факультета. 4. Руда для получения ртути. 6. Огородное растение семейства пасленовых. 7. Советский драматург. 9. Советский летчик-космонавт. 10. Зубчатый механизм, передающий движение от одного вала к двум другим. 14. Комедия Н. В. Гоголя. 16. Птица семейства ястребиных. 18. Порт в Швеции. 19. Вечнозеленое цитрусовое растение. 21. Командир соединения кораблей военно-морского флота. 22. Порода кур. 23. Действующее лицо драмы А. П. Чехова «Три сестры». 25. Соединительная трубка с резьбой на концах. 27. Приток Ангары.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 6. Реторта. 9. Каратау. 10. Рубидий. 11. «Последние». 15. Орлова. 16. Лирица. 17. Посол. 18. Фанера. 19. Бузина. 20. Румба. 21. Скрепа. 23. Навага. 26. Триод. 29. «Мужики». 30. Тамбов. 31. Стремянка. 34. Серозем. 35. Парашют. 36. Бородин.

По вертикали: 1. «Прогресс». 2. Бруно. 3. Марти. 4. Лазурь. 5. Барсова. 7. Мичурин. 8. Синица. 11. Паневежис. 12. Сепаратор. 13. Налбандян. 14. Елизавета. 22. Кристоф. 24. Гималаи. 25. Бункер. 27. Изморось. 28. Бордюр. 32. Тумба. 33. Копна.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Разгрузочно-загрузочная машина в центральном зале реакторного цеха Ленинградской атомной электростанции имени В. И. Ленина. (См. в номере материал «Сказка и явь Соснового Бора».)

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Российские почтовые карточки 1910-х — 1920-х годов. * Открытка, посвященная всероссийскому субботнику. * Привет с фронта. * Казаки Платова атакуют отступающий обоз Наполеона. * Герб города Москвы. (Рис. Г. Нарбута. 1910-е гг.) * Москва 1812 года. (См. материал «О чем поведала открытка».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

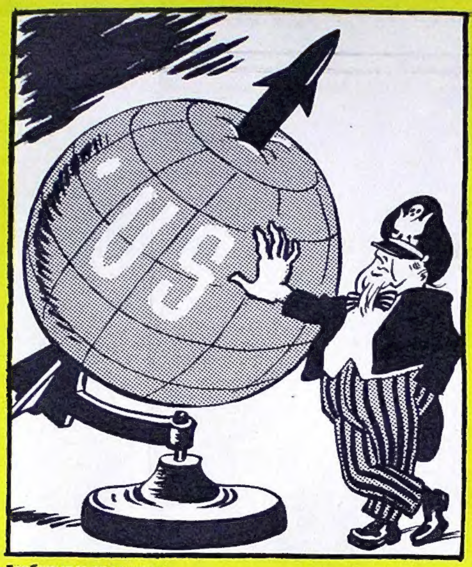
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 285-79-64. Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 28.01.80. Подписано к печати 12.02.80. А 00314.
Формат 70 × 108⅟₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 522. Заказ № 1848.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Глобальные претензии.

Разные «весовые категории».

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Прихвостень.

Встреча незваных гостей.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп
Индекс 70663